

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА
РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ
С ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИЛИ ИНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, ОРГАНИЗАЦИЕЙ
УПРАВЛЕНИЯ, ЧЛЕНСТВОМ ИЛИ УЧАСТИЕМ
В КАПИТАЛЕ ОРГАНИЗАЦИЙ**

В Концепции развития корпоративного законодательства на период до 2008 года¹ одним из направлений названо совершенствование законодательства в целях предотвращения и пресечения недобросовестных корпоративных захватов. И к первоочередным задачам, требующим скорейшей реализации, отнесены:

- уточнение перечня категорий «корпоративных споров», относящихся к специальной подведомственности арбитражного суда;
- определение исключительной подсудности (арбитражным судом по месту нахождения соответствующего юридического лица) всех дел по спорам участников организаций, связанным с участием в хозяйственных товариществах и обществах;
- установление правила об обязательном соединении в одно производство тесно связанных между собой требований, вытекающих из одного корпоративного спора;
- установление правила о введении мер по обеспечению исков и заявлений по указанным требованиям только арбитражным судом по месту нахождения юридического лица, ограничить возможности введения обеспечительных мер (установить обязательность встречного обеспечения по требованиям неимущественного характера и(или) введение отдельных мер исключительно в судебном заседании);

¹ С текстом Концепции развития корпоративного законодательства на период до 2008 года можно ознакомиться на официальном сайте МЭРиТ: www.economy.gov.ru (раздел «Законодательство/Проекты законов»).

– обеспечение раскрытия информации о готовящемся или инициированном судебном разбирательстве, связанном с корпоративным спором;

– обеспечение развития института коллективных исков, позволяющих объединять требования значительных групп граждан и организаций в одно производство, а также упрощающих возможность доступа к правосудию миноритарных акционеров.

Министерством экономического развития и торговли (далее – МЭРиТ) был подготовлен законопроект «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов разрешения корпоративных конфликтов)», который, по мнению его разработчиков, призван решить если не все, то большую часть выявленных на практике проблем, которые возникают при разрешении дел, связанных с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций¹. При этом законопроект предусматривает новации как в процессуальном законодательстве (АПК РФ; ст. 1 законопроекта), так и материально-правовом (НК РФ, ТК РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, ФЗ от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», Закон об АО, Закон об ООО, ФЗ от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах», ФЗ от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», ФЗ от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», ФЗ от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»; ст. 2–11 законопроекта). Данный законопроект, вернее, его ст. 1 и будет предметом рассмотрения настоящей статьи.

Несовершенство действующего арбитражного процессуального законодательства в части регулирования порядка рассмотрения дел, связанных с предпринимательской или иной экономической деятель-

¹ С текстами законопроекта и Пояснительной запиской к нему, подготовленными МЭРиТ, а также Концепцией развития корпоративного законодательства на период до 2008 года можно ознакомиться на официальном сайте МЭРиТ: www.economy.gov.ru (раздел «Законодательство/Проекты законов»). С текстом законопроекта № 384664, доработанным и подготовленным для рассмотрения в первом чтении, можно ознакомиться по адресу: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=384664-4&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=384664-4&02) (портал «Законодательная деятельность»).

ностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций, сегодня широко обсуждается в юридической литературе. При этом речь идет не столько о самой недостаточности и пробельности правового регулирования, сколько о необходимости введения тех или иных правовых конструкций в действующий АПК РФ.

В то же время далеко не всегда поднимается вопрос о допустимости введения некоторых из обсуждаемых новелл в действующий АПК РФ. А ведь именно «встраивание» в действующий процессуальный кодекс новых положений без учета логики российского процессуального права – основа для разрушения самого Кодекса. С учетом этого настоящая работа имеет целью проанализировать предлагаемые процессуальные новации на предмет допустимости их включения в АПК РФ.

I

Прежде всего внимания заслуживает часть законопроекта, посвященная массовым искам, которая по сути является «стержнем» всего законопроекта. Но прежде чем переходить к критическому разбору предлагаемых законопроектом новаций, вероятно, необходимо раскрыть вообще сущность названных исков.

Надо отметить, что для российского процессуального права **массовые иски**, к которым относят, во-первых, *коллективные (групповые) иски* и, во-вторых, *косвенные иски*, являются сравнительно новым правовым явлением. Как следует из самого их названия, массовые иски характеризуются большим числом заинтересованных в исходе процесса лиц, но каждый из них отличается качественным своеобразием и требует самостоятельного рассмотрения.

1. Институт групповых исков возник в Англии для целей защиты интересов больших групп граждан, права которых оказались нарушенными вследствие деятельности одного и того же лица. Впоследствии этот институт был воспринят в США, где получил значительное развитие как классовый иск¹.

¹ К. Осакве подчеркивает неверность перевода термина «class action» как «групповой иск». В американском праве, пишет он, такая разновидность исков, как «group action» (групповой иск), отсутствует – существует лишь три типа иска (по количеству участвующих истцов): индивидуальный иск, процессуальное соучастие и классовый иск,

Характеризуя классовый иск¹, как он сформировался в американском праве, можно выделить следующие присущие ему черты.

1. Использование данного иска предусматривается для тех случаев, когда есть необходимость *защиты большой группы лиц (класса), точный состав которой может быть трудноопределен и привлечение которых к участию в деле нецелесообразно.*

Классовые иски обычно предъявляются в защиту прав потребителей, работников, мелких инвесторов, граждан, права которых нарушены экологическими правонарушениями, и пр. Типичными ситуациями, в которых допустимо предъявление классового иска, признаются, в частности, катастрофы (авиакатастрофа, крушение поезда, взрыв атомной электростанции); массовые отравления (лекарствами, химическими препаратами, биологическими добавками) и т.д. И группу лиц (класс), таким образом, составляют все лица, пострадавшие в катастрофе, либо все лица, принимавшие конкретный некачественный лекарственный препарат, либо все лица, работающие в конкретной торговой сети (сети магазинов) и не получившие заработной платы, все инвесторы конкретного проекта и т.д.

В литературе отмечается, что численность группы может быть любой (допускается, что она может быть многосотенной, многотысячной), но группа менее 10 участников не есть класс для целей классового иска.

2. *Классовые иски возможны только при условии, что нарушение прав всех лиц, входящих в группу, произошло в силу одного обстоятельства (одних и тех же обстоятельств) и их исковое требование зиждется на единой правовой основе*, т.е. возможны только при тождестве фактических оснований и правового обоснования.

3. *Истцом по классовому (групповому) иску является самовызвавшийся участник данной группы (или несколько участников), который, действуя по собственной инициативе без поручения от других участников группы (т.е. без специального уполномочия со стороны иных участников группы), представляет интересы всех лиц, входящих*

который нередко именуют представительным иском (Осакве К. Классовый иск (class action) в современном американском гражданском процессе // Журнал российского права. 2003. № 3 (СПС «Гарант»)).

¹ Механизм предъявления и рассмотрения классового иска регулируется правилом 23 Федеральных правил гражданского процесса, принятых Верховным судом США.

в данную группу¹. Иными словами, в судебном процессе по классовому (групповому) иску непосредственно участвуют один или несколько человек из группы — так называемые представительные истцы, в то время как остальные участники группы хоть и признаются истцами, но в процессе не участвуют.

Нередко процесс «иницируется» адвокатом (самовызвавшимся адвокатом), который инспирировал на предъявление иска одного или нескольких участников группы². Самовызвавшийся адвокат, получивший полномочия от представительного истца (или нескольких представительных истцов), ведет дело без поручения от иных участников группы (истцов), принимая на себя все судебные расходы по делу. При этом в случае выигрыша дела он обычно получает до 40 процентов от всей суммы взысканных судом убытков, и только оставшаяся сумма после вычета из нее всех судебных расходов делится между всеми участниками группы — истцами (за исключением тех, кто добровольно вышел из группы)³.

¹ Как пишет Г. Аболонин, в ситуации нарушения прав множества лиц «один из них, наиболее состоятельный и заинтересованный, берет на себя все затраты, связанные с иском в защиту всех ее участников, ведением судебной тяжбы, исполнением судебного решения. Суд, возбуждая дело по иску данного участника, поданному в защиту собственных имущественных интересов, а также интересов всех участников группы, устанавливает круг заинтересованных лиц, уточняет вопрос о согласии каждого из них на подобное разрешение дела, принимает решение о присуждении определенной суммы имущественного возмещения, которая затем за вычетом судебных расходов, суммы адвокатского гонорара делится между всеми участниками группы пропорционально размеру заявленных требований» (*Аболонин Г. «Новые» иски // Эж-Юрист. 2006. № 11 (СПС «КонсультантПлюс»)*).

² К. Осаке подчеркивает, что нередко самовызвавшийся адвокат берется за дело следующим образом: узнав о том, что в результате одного обстоятельства пострадало множество людей, он помещает объявление о том, что ищет человека из числа пострадавших, желающего представлять в суде интересы всех пострадавших. При этом адвокат сообщает, что готов подать иск и вести дело от имени всех пострадавших, он берет на себя все судебные расходы и получит вознаграждение за свою работу лишь в том случае, если дело будет выиграно. Как только с ним связывается один (или несколько) человек из числа пострадавших, адвокат подает иск от его имени, и он становится представительным истцом по данному делу (*Осаке К. Классовый иск (class action) в современном американском гражданском процессе*).

³ В качестве примера К. Осаке приводит случай, когда «в одном громком деле в 2001 г. адвокат получил за свою работу 3 млн. долл. из присужденных убытков в размере 8, 75 млн. дол.» (*Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и особенная части: Учебно-практическое пособие. М.: Дело, 2002. С. 423*).

4. *Исковые требования, предъявляемые представительными истцами в рамках классового (группового) иска, есть требования всех лиц, входящих в группу (истцов)*, т.е. классовый (групповой) иск объединяет в себе однородные исковые требования всех истцов, при том что сами эти лица в процесс не вовлекаются. Обычно для защиты прав группы лиц используются такие способы правовой защиты, как, в частности, признание прав лиц, входящих в группу; запрещение ответчику совершать определенные действия (участники группы могут быть заинтересованы в прекращении деятельности конкретного лица); возмещение причиненных ответчиком убытков.

Для целей настоящей работы необходимо добавить, что иск от имени всех акционеров корпорации, предъявляемый к одному ответчику, является достаточно распространенным классовым иском (соединенный иск акционеров).

5. Можно добавить, что в американском праве *предусмотрены специально разработанные (достаточно сложные) процессуальные механизмы для целей надлежащего рассмотрения подобных исков*. В частности, предусматривается обязательная «сертификация» судом иска на предмет того, допустимо ли придавать ему статус классового (проводимая по специальному ходатайству истца). После принятия судом решения о придании предъявленному иску статуса классового представительный истец (истцы) должен известить всех участников группы (истцов) о предъявлении этого иска¹ (это правило обусловлено необходимостью предоставления возможности участникам группы выйти из нее). Все судебные повестки и иные судебные документы вручаются лишь представительным истцам, а не всем участникам группы (истцам). Решение, вынесенное по классовому (групповому) иску, обязательно для всех истцов (т.е. лиц, входящих в группу, за исключением вышедших из нее), но истцы не лишены права обжаловать вынесенное решение, в том числе и по мотиву того, что их права не получили эффективной защиты.

Надо сказать, что классовые (групповые) иски оцениваются весьма позитивно с точки зрения экономической целесообразности (лица, входящие в группу, избавлены от несения судебных расходов), про-

¹ При этом далеко не во всех случаях такое уведомление должно носить персонализированный характер — достаточно извещений, опубликованных в средствах массовой информации.

цессуальной экономии (суд в едином процессе рассматривает ряд исковых требований различных лиц). Они позволяют в равной степени защитить права участников группы (предотвращаются ситуации, когда ответчик, исполнивший решение по частным искам первых по очередности взыскателей, утрачивает возможность исполнения судебных решений по последующим частным искам) и пр.

Однако все громче звучат критические замечания в адрес классовых (групповых) исков, существо которых сводится к следующему:

1) полагается неправильным наделять частных лиц правомочием судебной защиты прав большого числа граждан, поскольку такими полномочиями должны обладать государственные органы;

2) классовые иски весьма сложны для судебной системы;

3) несмотря на то, что «многие из них справедливы, они выдвигаются скорее всего «с подачи» самовызвавшихся адвокатов, что и нарушает давний запрет общего права на инспирирование судебных исков со стороны частных лиц»¹;

4) классовый иск превратился в США в источник прибыли для нескольких адвокатов и адвокатских контор, поскольку львиная доля суммы выигрыша попадает к ним и лишь небольшая часть – участникам группы (собственно пострадавшим истцам)².

2. В российском праве институт классовых исков в том виде, в котором он существует в американском праве, отсутствует. Вместе с тем

¹ *Осакве К.* Классовый иск (class action) в современном американском гражданском процессе. М.: Дело, 2002.

² Например, нью-йоркская адвокатская контора «Милберг Вайсс» более 40 лет «контролировала сферу косвенных исков». За эти годы суммарная «стоимость» ее побед была оценена в 45 млрд дол., которые были взысканы с крупнейших американских корпораций. При этом большая часть взыскиваемых средств шла на оплату адвокатских услуг, тогда как участники группы (истцы) получали сравнительно небольшие суммы. Впоследствии этой адвокатской конторе (приобретшей репутацию стервятника, способного найти незаконные действия где угодно) по итогам шестилетнего расследования Министерством юстиции США были предъявлены обвинения в тайной выплате свыше 11 млн дол. трем лицам, исполнявшим роли представительных истцов по более чем 150 искам, поданным начиная с 1981 г. Выигрыш только по данным сфальсифицированным искам по подсчетам принес адвокатской конторе вознаграждение на общую сумму 216 млн дол. Как отмечает Д. Копел, директор по исследованиям Института независимости в Голдене, адвокатские конторы все чаще подают классовые иски, нацеленные не столько на помощь группам пострадавшим, сколько на легальный «отъем денег» у крупных корпораций; в результате истцы получают компенсацию в несколько долларов, тогда как их адвокаты – миллионы (см.: <http://www.svobodanews.ru/article.aspx?exactdate=20060524141230083>).

российское право предусматривает возможность предъявления в защиту интересов большого числа лиц специальных исков, которые в отечественной доктрине получили название «коллективные иски», или «иски о защите неопределенного круга лиц». Эти иски нередко именуют и «групповыми исками», однако для целей четкого разграничения здесь они будут обозначаться термином «коллективные иски».

Вряд ли можно согласиться с тем, что российское законодательство восприняло институт классового (группового) иска, поскольку коллективный иск — это даже не «усеченный» вариант классового иска, а иной вид иска. Отличия их легко обнаруживаются при сопоставлении названных институтов.

1. Возможность предъявления коллективных исков (исков о защите неопределенного круга лиц) предусматривают, в частности, Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей), ФЗ от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах», ФЗ от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)», ГПК РФ.

Коллективный иск (как и классовый иск) призван *защитить права большой группы лиц, точный состав которой трудноопределим.* Вместе с тем целесообразность (или возможность) привлечения участников этой группы к участию в деле вовсе не обсуждается, поскольку гражданин (группа граждан) не может инициировать процесс — *правом обращения в суд с коллективными исками законодательство наделяет государственные органы и некоторые организации.*

Так, в ст. 46 Закона о защите прав потребителей предусмотрено, что уполномоченный федеральный орган исполнительной власти по контролю (надзору) в области защиты прав потребителей (его территориальные органы), иные федеральные органы исполнительной власти (их территориальные органы), осуществляющие функции по контролю и надзору в области защиты прав потребителей и безопасности товаров (работ, услуг), органы местного самоуправления, общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) вправе предъявлять иски в суды о признании действий изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) противоправными в отношении неопределенного круга потребителей и о прекращении этих действий.

Надо отметить, что названные лица, обращающиеся за защитой прав и законных интересов группы лиц, *не являются представителями* участников группы — это иная группа лиц, участвующих в деле (ст. 34, 46 ГПК РФ).

2. *Коллективный иск (как и классовый) возможен только при условии, что нарушение прав всех лиц, входящих в группу, произошло в силу одного обстоятельства (одних и тех же обстоятельств) и их исковое требование зиждется на единой правовой основе*, т.е. возможны только при тождестве фактических оснований и правового обоснования.

3) Как уже говорилось, российское законодательство не предусматривает возможность граждан обращаться с коллективными исками — *подобный иск вправе предъявить только определенные государственные органы* (которые, надо сказать, пользуются предоставленным им правом нечасто) *или организации, специально уполномоченные законом* (обычно это саморегулируемые организации¹).

Например, в силу п. 6 ст. 63 ФЗ «Об инвестиционных фондах» (в ред. от 11 февраля 2001 г.) предъявить иск в защиту прав неопределенного круга инвесторов вправе компенсационный фонд. В соответствии со ст. 16 ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» (в ред. от 30 декабря 2006 г.) в защиту прав неопределенного круга юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля вправе обратиться объединение юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также иные некоммерческие организации.

Указанное обстоятельство серьезно отличает коллективный иск от классового иска: поскольку участники группы вовсе не рассматриваются в качестве истцов и не привлекаются в процесс, «*массовость*» («*коллективность*») *рассматриваемого иска есть фикция* (в отличие от коллективного иска классовый иск без представительного истца, т.е. представителя группы, невозможен).

4. *Суть требования, предъявляемого в рамках коллективного иска, состоит в защите всех лиц, входящих в группу* (как и в классовом иске). Однако особого внимания заслуживает то, что *коллективный иск на-*

¹ Саморегулируемым организациям посвящена самостоятельная статья в настоящем сборнике (см.: *Зинченко С.А., Галов В.В.* Саморегулируемые организации в законодательстве России: проблемы и решения).

правлен на получение лишь «промежуточного» решения — о признании неправомерными действий ответчика в отношении группы лиц, о прекращении нарушающей права группы лиц деятельности ответчика, тогда как возмещение причиненных такими действиями убытков предполагается только на основании самостоятельных исков участников группы.

Например, в силу ст. 46 Закона о защите прав потребителей вступившее в законную силу решение суда о признании действий изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) противоправными в отношении неопределенного круга потребителей обязательно для суда, рассматривающего иск потребителя о защите его прав, возникших вследствие наступления гражданско-правовых последствий действий изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера), в части вопросов, имели ли место такие действия и совершены ли они изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером).

Иными словами, решение, вынесенное по коллективному иску, только создает доказательственную базу для последующего обращения в суд всех участников группы лиц.

Далее, как указывалось выше, участники группы должны осуществлять защиту своих прав собственными силами, самостоятельно предъявляя иски о возмещении убытков. В этих условиях лица, предъявившие свои требования позже, могут оказаться в ситуации, когда вынесенное в их пользу решение не будет исполнено из-за отсутствия у ответчика денежных средств и имущества (в том числе и по причине исполнения решений по аналогичным делам, истцы по которым предъявили свои исковые требования раньше)¹. Это обстоятельство серьезно отличает коллективные иски от классовых исков, для которых существует правило о порядке распределения суммы, присужденной по иску (в том числе и для случаев, когда часть соистцов не получила присужденную ей сумму).

5. Нельзя обойти вниманием и вопрос наличия процессуальных механизмов для целей рассмотрения подобных исков. Учитывая, что

¹ Лукашева М.Д. Проблемы исков в защиту интересов неопределенного круга лиц и групповых исков (<http://www.legist.ru/conf/Lukashova.htm>).

коллективные иски используются в большинстве случаев как иски в защиту прав потребителей, отдельные условия обращения в суд с коллективным иском закреплены в ГПК РФ (см., например, ст. 4, 45, 46). Но, как верно отмечает М.Д. Лукашова, отсутствуют процессуальные нормы, регламентирующие порядок реализации данной формы исковой защиты¹. Справедливости ради нельзя не указать на полное отсутствие упоминания о подобных исках в АПК РФ.

Таким образом, говорить о существовании в российском процессуальном праве института коллективного иска — значит несколько преувеличивать весьма скромные по объему законодательные положения, допускающие и фрагментарно регулирующие саму возможность предъявления такого иска, но не механизм разрешения дела по такому рода иску и исполнения решения по нему². Однако российское процессуальное право, безусловно, нуждается в более тщательной регламентации этого иска, поскольку, как правильно отмечает Д.В. Макарьян, «любая форма процессуальной множественности делает гражданское судопроизводство намного оперативнее и эффективнее, чем обычный порядок»³.

При рассмотрении проблем коллективного иска нельзя хотя бы коротко не коснуться вопроса отождествления некоторыми авторами категорий коллективного (группового) иска и соучастия, на что обращает внимание В.В. Ярков⁴. Такое отождествление привело к тому, что «групповым» («коллективным») нередко называют иск, в котором имеет место соучастие на стороне истца (а иногда и обеих сторон).

¹ Лукашева М.Д. Проблемы исков в защиту интересов неопределенного круга лиц и групповых исков (<http://www.legist.ru/conf/Lukashova.htm>).

² Небезынтересно, что в Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004), утвержденную распоряжением Правительства РФ от 10 июля 2001 г. № 910, предусматривалось следующее: «В части формирования действенных механизмов реализации прав собственности в период до 2004 года Правительство Российской Федерации ставит следующие задачи: способствовать формированию системы объединения интересов лиц, чьи права нарушены, в том числе ввести институт коллективных исков для защиты прав неопределенного круга инвесторов, расширить практику косвенных (производных) исков, которыми защищаются права не только группы акционеров, но и корпорации в целом».

³ Макарьян Д.В. Процессуальное соучастие в российском арбитражном судопроизводстве и другие формы процессуальной множественности // Адвокатская практика. 2005. № 3 (СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М.; Екатеринбург: НОРМА, 1999. С. 145.

Подобное отождествление, безусловно, неверно и демонстрирует непонимание существа коллективного иска. Как уже было показано выше, *коллективный иск — это иск уполномоченного органа (иной организации), подаваемый в интересах группы лиц и не предусматривающий участие членов этой группы в судебном процессе*. В то же время *соучастие на стороне истца — это совместное предъявление иска несколькими истцами*, наделенными равными возможностями в судебном процессе. Комментарии, как говорится, излишни.

3. В продемонстрированных выше отличиях классового иска от коллективного иска первую скрипку, несомненно, играют отличия англо-американской системы права от российской системы права.

Как известно, в американском праве защита прав и интересов участников гражданских правоотношений воплощена не в нормах материального права, а в нормах процессуального права, что и обуславливает, в частности, такую разработанность классового иска. В российском же праве нормы о защите прав и интересов участников гражданских правоотношений содержатся в материальном праве, тогда как процессуальное право предусматривает (зачастую очень скупо) процессуальную форму их реализации. Достаточно пренебрежительное отношение к процессуальному праву, существующее в российских юридических кругах, выливается в проблематичность реализации на практике материальных норм о защите прав и интересов участников гражданских отношений. И весьма выпукло это прослеживается на примере коллективного иска, который фактически не используется на практике.

Переходя к рассмотрению положений о групповых исках, как они заложены в законопроекте, хотелось бы сразу подчеркнуть следующее. Несмотря на содержащееся в Пояснительной записке МЭРиТ указание на то, что законопроектом предусматриваются *«механизмы, обеспечивающие инициирование и рассмотрение корпоративных споров, в которые вовлечено большое количество истцов»¹*, эти механизмы по сути исчерпываются ст. 225⁶, носящей название «Участие в деле лица, обратившегося в арбитражный суд в защиту прав и законных интересов других лиц».

Разработчики законопроекта, явно лукавя, утверждают, что «законопроект принципиально не идет по пути заимствования известного

¹ Пояснительная записка МЭРиТ. С. 43.

американскому праву института коллективных (групповых) исков, а предусматривает процессуальный механизм, в общем отвечающий основным началам отечественного процессуального права»¹. И здесь же ими указывается на предусмотренный законопроектом «исключительно для корпоративных споров институт обращения в арбитражный суд с заявлением в защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов других лиц по их просьбе. Лицо, обращающееся с указанным требованием в суд, не только будет нести все судебные расходы, но и обеспечивает канализирование требований отдельных потенциальных истцов к юрисдикции арбитражного суда по месту нахождения организации, вокруг которой возник соответствующий спор»².

Как было показано выше, институт коллективного иска, который существует в России в зачаточном, неразвитом состоянии (и по этой причине используется крайне редко), принципиально отличается от института классового иска, как он сформировался в американском праве. Институтов, подобных классовому иску, в российском процессуальном праве нет. Не отрицая вообще возможности введения в российское процессуальное право конструкции классового иска, хотелось бы подчеркнуть необходимость тщательной проработки такого рода новаций (с обязательным учетом критических замечаний, высказываемых в адрес этого института). Предлагаемые же законопроектом к включению в АПК РФ конструкции «в подражание» классовому иску явно недостаточно продуманы и не аргументированы, а соответствие их отечественному процессуальному праву, как обоснованно отмечает Г. Аболонин, удастся заметить «только в чрезмерном наличии общих положений, правовых пробелов и коллизий, которыми страдает предложенная Проектом редакция статьи АПК РФ»³.

В ст. 225⁶ закреплён ряд норм, свидетельствующих об использовании конструкции классового иска для целей формирования порядка обращения в арбитражный суд с требованием о защите прав неопределённого круга лиц. Это положения, определяющие:

– право *частного лица* (организации или гражданина), являющегося участником правоотношения, из которого или в связи с кото-

¹ Пояснительная записка МЭРиТ. С. 44.

² Там же.

³ Аболонин Г. «Новые» иски // *эж-Юрист*. 2006. № 11 (СПС «КонсультантПлюс»).

рым возник спор, *обратиться в арбитражный суд в защиту прав и интересов других лиц по их просьбе;*

– обязательность просьбы других лиц на предъявление такого иска, требующая подтверждения — письменного заявления, подписанного лицами, по просьбе и в интересах которых подан иск, либо их уполномоченными представителями; и это при том, что *выдачи доверенности* истцу, выступающему от имени других лиц, *не требуется*¹;

– право лица, обратившегося в арбитражный суд в интересах других лиц, совершать от имени последних *все процессуальные действия* (если в заявлении лица, в интересах которого подается иск, такое право специально не ограничено), при этом, как сформулировано в Пояснительной записке МЭРиТ, это лицо обладает и правом формулировать сами исковые требования²;

– правомочие лица, желающего выступить в защиту неопределенного круга лиц, публично предлагать лицам присоединиться к иску³, предъявляемому в арбитражный суд, осуществляемое в виде размещения объявления в средствах массовой информации, адресной рассылки или иным способом (при этом допускается присоединение к иску-обращению» только на тех условиях, которые указаны в публичном предложении);

– правомочие лиц, желающих присоединиться к лицам, в интересах которых предъявлен иск, реализуемое путем направления лицу, инициировавшему процесс, соответствующего заявления.

Введение предлагаемых новелл объясняется разработчиками проекта закона стремлением сократить нагрузки на арбитражные суды: «...количество таких дел в абсолютном выражении, как и количество лиц, участвующих в заседании, сократится, а с другой стороны, предлагаемые новеллы позволят обеспечить реальную защиту прав и законных интересов инвесторов, которые в иных случаях были бы не в

¹ Впервые «орган или лицо, имеющее право действовать от имени лица без доверенности» упоминается в ст. 225², предлагаемой законопроектом к включению в АПК РФ. Несмотря на то, что речь идет о совершенно новом для арбитражного процессуального права субъекте, в Пояснительной записке МЭРиТ о нем не сказано ни слова.

² Пояснительная записка МЭРиТ. С. 44.

³ В законопроекте вместо термина «иск» употребляется термин «обращение», что, по-видимому, с точки зрения разработчиков законопроекта, представляет собой тождественные понятия.

состоянии самостоятельно инициировать и поддерживать судебное разбирательство»¹.

В то же время как-то за рамками рассмотрения остается то обстоятельство, что абз. 4 ч. 6 ст. 225⁶ допускает возможность лиц, в интересах которых был предъявлен иск, вступить в дело на правах истца (т.е. непосредственно участвовать в судебном процессе). При этом *допускается возможность вступления в уже начавшийся процесс всех лиц, в интересах которых был предъявлен иск*. Иными словами, групповой иск трансформируется в соучастие на стороне истца.

Такое допущение, предусмотренное разработчиками законопроекта, демонстрирует безусловный отход как от конструкции классового иска, так и от конструкции коллективного иска, используемых в тех случаях, когда участие в процессе всех членов группы нецелесообразно. При этом утрачивается как смысл построения такой конструкции иска (поскольку в процесс в любой момент может вступить часть участников группы либо вся группа в полном составе), так и цель, объявленная разработчиками законопроекта (число лиц, участвующих в деле, в конечном счете не сокращается, тогда как «миграционные процессы» участвующих в деле лиц будут вести к затягиванию судебного процесса).

Таким образом, рассмотренные новации, касающиеся групповых исков и содержащиеся в законопроекте, явно «не созрели» для включения в действующий АПК РФ.

4. Другой не менее интересной разновидностью массовых исков являются **косвенные иски**. Заимствованный из английского права институт косвенного иска представляет собой принципиально новый для российского права институт, который возник «на почве» конфликта интересов акционеров, менеджеров общества (управляющих) и самого общества².

¹ Пояснительная записка МЭРиТ. С. 44.

² Концепция косвенного иска произошла из практики английского траста, т.е. доверительного управления чужим имуществом. Менеджер, управляющий чужим имуществом, является доверенным лицом акционеров (и в конечном счете самой корпорации), именно на менеджере лежат «обязанности доверенных лиц» и на него возлагается «доверительная ответственность» в случаях, когда он действовал не в интересах акционеров и корпорации (см. об этом, например: *Ярков В.В. Особенности рассмотрения дел по косвенным искам // Юрист. 2000. № 11 (СПС «КонсультантПлюс»); Сыродоева О.Н. Ответственность управляющих компаниями (сравнительный анализ законодательства США и России) // Государство и право. 1995. № 10. С. 68–69).*

Таким образом, косвенный иск — это способ защиты прав, предназначение которого исчерпывается корпоративными отношениями. Именно специфика корпоративных отношений, заключающаяся в том, что субъектами этих отношений являются *участники общества* и(или) *органы управления обществом (менеджеры, которые в иных гражданских правоотношениях не рассматриваются как самостоятельные субъекты права)*¹, обуславливает необходимость использования особых способов защиты.

Действительно, *органы управления обществом* (равно, как и каждое лицо, входящее в эти органы) обязаны добросовестно и разумно действовать в интересах *самого общества* для достижения поставленных перед последним целей. В то же время в реальности действия этих органов (или их членов) не всегда соответствуют предъявляемым требованиям: органы управления или входящие в их состав члены иногда демонстрируют небрежное или недобросовестное отношение к делам общества, которое в конечном счете наносит вред самому обществу. И в этой ситуации именно участникам общества, как другой стороне корпоративного отношения, предоставлено право предъявлять органам управления обществом соответствующие требования (самым распространенным косвенным иском является иск о возмещении директором (единоличным исполнительным органом) убытков, причиненных обществу).

Предъявляя такого рода требования, участники общества прямо защищают интересы непосредственно общества, а свои собственные — косвенно, опосредованно. Это обстоятельство и дало наименование данной группе исков — косвенные (производные) иски.

Косвенные иски принципиально отличаются от прямых исков — исков, которые предъявляются стороной в защиту собственных прав и интересов, и в силу этого имеющей прямой материально-правовой интерес в исходе дела. Однако косвенные иски также отличаются и от дел, требования по которым предъявлены в защиту интересов других лиц (или неопределенного круга лиц, т.е. публичных интересов),

¹ Органы корпорации, которые во «внешних» отношениях не рассматриваются как самостоятельные субъекты права, в корпоративных отношениях приобретают статус самостоятельного субъекта, который обладает субъективными правами и несет обязанности, обеспеченные возможностью применения к нему мер ответственности. Подробно позиция автора настоящей работы в отношении участников корпоративных отношений изложена в статье: *Рожкова М.А.* Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС РФ. 2005. № 9.

поскольку обращающееся с ними лицо обладает только процессуальным, но не материально-правовым интересом в исходе дела.

Особенность косвенного иска как раз и состоит в том, что требования, предъявляемые участниками общества к органам управления, направлены в защиту собственно общества (созданной физическими лицами искусственной личности, за которой только юридически закреплена возможность формировать волю и вступать в имущественный оборот). Общество, не являющееся субъектом корпоративных (внутренних) отношений, является выгодоприобретателем, поскольку решение по косвенному иску напрямую влияет на его материально-правовую сферу и уже опосредованно — на материально-правовую сферу самих участников общества. Таким образом, интерес участников общества, предъявляющих косвенный иск, не процессуальный, а самый что ни на есть материально-правовой, но как бы преломляющийся через выгоду для всего общества.

Несмотря на активное обсуждение проблем косвенного иска в литературе¹, говорить о единстве мнений, высказываемых в отношении его правовой природы, явно преждевременно. С учетом этого представляется интересным рассмотреть этот иск более подробно.

1. Прежде всего следует остановиться на основной проблеме — *проблеме определения процессуального статуса лиц, участвующих в деле по косвенному иску.*

Наименьшее количество вопросов вызывает, безусловно, **ответчик по косвенному иску**. Ответчиками по данному виду исков выступают, как было указано, органы управления обществом (или менеджеры, управляющие). К числу менеджеров (управляющих) относятся (1) управляющий; (2) управляющая организация; (3) единоличные органы (директор, генеральный директор, исполнительный директор и пр.); (4) лица, входящие в коллегиальный исполнительный орган (члены правления, члены дирекции и пр.).

¹ См. о косвенных исках, в частности: *Елисеев Н.Г.* Процессуальный статус акционера в производстве по косвенному иску // *Вестник ВАС РФ*. 2005. № 8; *Мальшев П.* Косвенные иски акционеров в судебной практике США // *Российский юридический журнал*. 1996. № 1. С. 95–104; *Чернышев Г.* Кто ответит по косвенному иску? // *эж-Юрист*. 2006. № 5 (СПС «КонсультантПлюс»); *Ярков В.В.* Корпоративное право: косвенные иски // *Рынок ценных бумаг*. 1997. № 18. С. 78–81; *Он же.* Методика доказывания по косвенным искам // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2001. № 4 (СПС «КонсультантПлюс»); *Он же.* Особенности рассмотрения дел по косвенным искам (СПС «КонсультантПлюс»).

Так, в п. 3 ст. 53 ГК РФ предусмотрена обязанность органов юридического лица по требованию участников (учредителей) юридического лица возместить убытки, причиненные юридическому лицу, если иное не предусмотрено законом или договором. Аналогичные положения содержит п. 3 ст. 105 ГК РФ, устанавливающий обязанность основного общества (товарищества) по требованию участников (акционеров) дочернего общества возместить убытки, причиненные по его вине дочернему обществу, если иное не установлено законами о хозяйственных обществах.

Гораздо большей проблематичностью «обладает» процессуальный статус участников общества, которых далеко не все юристы соглашались признавать **истцами по косвенному иску**: отсутствие *прямого* материально-правового интереса в исходе дела дало почву для утверждений вовсе об отсутствии у участников общества материально-правового интереса к исходу дела¹.

С такой позицией согласиться нельзя. Во-первых, уменьшение активов общества напрямую влияет на курсовую стоимость принадлежащих его участникам акций и, соответственно, на имущественную сферу участников общества.

Во-вторых, признание материально-правовых интересов участников общества подтверждает традиционное отнесение косвенного иска к массовым искам (если бы речь шла о защите интересов только общества, отнесение косвенного иска к массовым было бы ошибкой). Более того, косвенный иск в законодательстве многих стран допускает его предъявление в форме группового иска², а, как было пока-

¹ Например, Г.Л. Осокина считает, что истцом по косвенному иску выступает само общество, а участники общества, предъявляющие иск против «должностных лиц корпорации», являются законными представителями (*Осокина Г. Чьи права защищаются косвенными исками? // Российская юстиция. 1999. № 10 (СПС «КонсультантПлюс»); Она же. Иск (теория и практика). С. 97–98*). Аналогичное мнение высказывает, например, Б.А. Журбин, считающий, что акционер по производному иску является законным представителем акционерного общества (*Журбин Б.А. Проблемы рассмотрения производных исков // Арбитражная практика. 2005. № 2 (СПС «КонсультантПлюс»*). Другие авторы считают, что участники общества «значительно ближе» к процессуальным истцам, осуществляющим защиту чужого интереса (*Зубович М.М., Семеусов В.А. Акционерное общество. Правовые аспекты. Иркутск, 2000; Зубович М.М. Актуальное исследование проблем иска (к выходу в свет монографии Осокиной Г.Л. «Иск (теория и практика)». М., 2000. 192 с.)* (http://law.isu.ru/ru/science/vestnik/20003/zubovich_rec.htm)).

² См., например, правило 23.1 Федеральных правил гражданского процесса (США); Décret no 67-236 (Франция).

зано выше, объединяющим моментом классового и коллективного исков (при всех их различиях) является то, что они предъявляются *в интересах группы лиц*. Однако при этом следует подчеркнуть необходимость видеть отличия названных видов массовых исков, не позволяющие их отождествлять или рассматривать один иск как разновидность другого¹.

В-третьих, требование закона об обязательном минимальном проценте акций, которым должен обладать участник общества для предъявления косвенного иска, в определенной мере подтверждает зависимость имущественного положения участника от имущественного положения самого общества (п. 5 ст. 71 Закона об АО). Иными словами, имущественное положение участника, владеющего акциями менее одного процента размещенных обыкновенных акций общества, признается независимым от имущественного положения самого общества, а сам участник – не имеющим материально-правового интереса к исходу дела.

В-четвертых, отечественное законодательство прямо предоставляет участниками общества право предъявлять косвенные иски. Такое право участников общества предусмотрено, в частности, п. 5 ст. 71 Закона об АО, п. 5 ст. 44 Закона об ООО.

В-пятых, особенность данного иска и состоит в том, что участники общества могут защитить свои права только таким образом; защитить их права без защиты прав другого лица (самого общества) попросту невозможно.

Сказанное свидетельствует о том, что участники общества имеют материально-правовой интерес в исходе дела по косвенному иску, а потому не могут рассматриваться ни в качестве процессуальных истцов, ни в качестве законных представителей общества. *Участники общества являются надлежащими истцами по косвенным искам и, надо отметить, достаточно активно используют предоставленное им право².*

¹ Г.Л. Осокина пишет о том, что одни и те же термины («косвенный», «производный», «групповой») используются для обозначения разных по своей сущности исков. Однако далее она делает неожиданный вывод о том, что субъекты корпоративных отношений могут использовать для защиты «своих корпоративных прав и законных интересов *иск, который целесообразно именовать корпоративным, а не косвенным, производным или групповым*» (курсив мой. – М.Р.)» (Осокина Г.Л. Иск (теория и практика). М.: Городец, 2000. С. 89, 94). Тем самым она объединяет единым термином совершенно различные по своей сути виды исков.

² Обязанность уплаты судебных расходов (включая государственную пошлину) возложена на истцов – в данном случае участников общества, предъявивших косвен-

Наибольшее же количество вопросов вызывает процессуальный статус самого общества, который определяется в отечественной доктрине и зарубежном праве различным образом.

Представляется совершенно правильным вывод Н.Г. Елисеева о том, что статус общества «в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, является наиболее типичным, а часто единственным возможным вариантом процессуального статуса АО в производстве по косвенному иску»¹. Следует согласиться и с его точкой зрения, согласно которой статус общества в качестве истца (действующего через акционера, как своего законного представителя) «непригоден, поскольку фактически это ведет к упразднению права на косвенный иск»². Думается, что и привлечение общества в качестве соистца или вступление его в процесс в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями относительно предмета спора противоречит существу косвенного иска по следующим причинам.

Конструкция косвенного иска предусмотрена исключительно для корпоративных отношений. Косвенный иск предъявляется одним участником корпоративных отношений (акционером) другому их участнику (органу управления). Общество, как указывалось выше, не является участником корпоративных отношений, и, следовательно, *участие самого общества в деле по косвенному иску допускает его вступление в процесс только в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора*. Привлечение общества именно в этом статусе будет способствовать решению вопросов по существу дела: о факте причинения обществу убытков, об их размере, о правовой связи этих убытков с недолжными действиями менеджеров (управляющих) и пр. А кроме того, будет соблюдено правило о недопустимости принятия судебного решения о правах лиц, не привлеченных к участию в деле (ст. 42, п. 4 ч. 4 ст. 270, п. 4 ч. 4 ст. 288 АПК РФ).

Позицию о невозможности обществу выступать в качестве истца по косвенному иску отчасти подтверждает и правило ст. 53 ГК РФ, которое предусматривает, что с требованием о возмещении убытков,

ный иск. В случае вынесения положительного решения по делу понесенные истцами по косвенному иску судебные расходы возмещаются за счет ответчика.

¹ Елисеев Н.Г. Процессуальный статус акционера в производстве по косвенному иску // Вестник ВАС РФ. 2005. № 8.

² Там же.

причиненных органом управления обществом, вправе обращаться учредитель (участник) общества. В связи с этим представляются не соответствующими положениям ГК РФ правила п. 5 ст. 71 Закона об АО и п. 5 ст. 44 Закона об ООО, предоставляющие самому обществу право предъявлять подобные требования.

Предвидя возражения последнему тезису, следует несколько слов сказать о ситуации, когда недолжным поведением менеджеров (управляющих) обществу причинены убытки, но требование об их возмещении участником общества не предъявлено.

Предположим, вследствие недолжного поведения директора общества (единоличного исполнительного органа управления) обществу были причинены убытки. Директор в правоотношениях с участниками имущественного оборота рассматривается как само общество, а его действия – как действия самого общества. В этих условиях встает вопрос о субъекте, наделенном полномочиями выступать в качестве общества и предъявить директору иск о возмещении причиненных убытков (вряд ли серьезно можно рассуждать об иске директора, выступающего в качестве общества, к самому себе).

Думается, что в подобной ситуации предъявить иск к директору может иной орган управления или член органа управления, действуя в интересах общества. Этот иск будет обычным иском, возникающим из корпоративных отношений (и он, безусловно, должен относиться к подсудности арбитражных судов), поскольку его сторонами будут субъекты корпоративных отношений. Вместе с тем учитывая, что интерес истца здесь сугубо процессуальный, данный иск не будет косвенным, а будет иском, предъявляемым в защиту прав и интересов другого лица (общества), что строго говоря, действующий АПК РФ не предусматривает. Хотя именно такая конструкция нуждается в закреплении ее в законодательстве.

2. Переходя к анализируемому законопроекту, нельзя не отметить, что разработчики законопроекта, соединив в ст. 225⁵ положения, относящиеся к регулированию косвенных исков, ограничились весьма узким кругом далеко не бесспорных в большинстве случаев правил¹. В частности, законопроект, подготовленный МЭРиТ, предусматривал:

– право одного или нескольких участников юридического лица обратиться к органам управления юридического лица (или членам этих

¹ См. законопроект, подготовленный МЭРиТ (www.economy.gov.ru).

органов) с иском о взыскании убытков, причиненных юридическому лицу их действиями или бездействием (косвенный иск);

– наделение юридического лица, в интересах которого предъявляется косвенный иск, всеми правами истца (однако процессуальный статус юридического лица так и не был назван);

– дополнительные требования к подтверждению полномочий органов и представителей юридического лица (при этом участник общества прямо назывался представителем юридического лица, в интересах которого предъявлен косвенный иск);

– возложение обязанности доказывания правомерности действий (бездействия) и отсутствия убытков на лиц, к которым предъявлен косвенный иск (при этом закреплялось правило, согласно которому арбитражный суд мог освободить от указанной обязанности это лицо, если признает, что такое лицо не располагает необходимыми доказательствами в связи с прекращением полномочий и утратой связи с юридическим лицом, в интересах которого предъявлен косвенный иск);

– прекращение производства по делу, которое возбуждено по косвенному иску, тождественному по предмету и основанию иску, по которому состоялось решение или производство по делу было прекращено (столь «элегантным» образом предполагалось обойти правило п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, предусматривающее прекращение производства по делу только при «тройственном» тождестве: сторон, предмета и основания);

– отнесение судебных расходов при отказе в косвенном иске на лицо, предъявившее этот иск; а в случае удовлетворения косвенного иска расходы по уведомлению участников общества предполагалось не возлагать на ответчика (ответчиков), хотя и не уточнялось, кто в данном случае должен нести эти расходы (данные правила предусматривалось ввести в ч. 1 ст. 110 АПК РФ).

Такое (весьма фрагментарное и явно недоработанное) регулирование порядка рассмотрения дела по косвенному иску, впрочем свойственное всему законопроекту в целом, не могло не вызывать возражений (в том числе по основаниям, изложенным выше). И при подготовке проекта к первому чтению данная статья была исключена, равно как и иные упоминания о косвенных исках¹. И в связи с

¹ Вместе с тем в заключении ВАС РФ предлагается дать ст. 225⁶, посвященной регулированию групповых исков и упоминавшейся выше, новое название – «Иски

этим представляется совершенно обоснованным мнение, высказанное Г. Аболониным: «Массовые иски не допускают такого пренебрежительного отношения к описанию процессуальных механизмов их применения и требуют подробнейшей регламентации всех деталей, как это имеет место в процессуальном законодательстве других стран мира»¹.

3. Немаловажным является то, что сегодня в российском праве наблюдается тенденция к расширению сферы применения косвенных исков и обсуждается возможность использования их конструкции для исков по оспариванию сделок, совершенных от имени общества. Безусловно, оспаривание сделок акционерами – процесс широко распространенный, и вполне ожидаемым стало предложение рассматривать его в ключе применения конструкции косвенных исков².

Не углубляясь в данную тему (которая, безусловно, требует самостоятельного и весьма подробного рассмотрения), хотелось бы высказать следующие соображения.

Прежде всего следует согласиться с тем, что и требование о возмещении убытков, и требование о признании оспоримой сделки недействительной (при принципиальных различиях в избранных способах защиты), если они предъявляются участником общества в интересах общества, имеют определенные черты сходства. Это сходство обнаруживается в том, что:

- участник общества, как в первом, так и во втором случае, имеет не прямой, а косвенный материально-правовой интерес;
- такое право предоставлено участникам общества материальным законом (ГК РФ, Законом об ООО и Законом об АО);
- выгодоприобретателем, как в первом, так и во втором случае, является само общество.

Вместе с тем препятствием к использованию конструкции косвенного иска для оспаривания участниками общества сделок являются следующие обстоятельства.

учредителей (участников) о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу» и предлагается ее редакция (Заключение ВАС РФ от 13 марта 2007 г. С. 12–13).

¹ Аболонин Г. «Новые» иски // *эж-Юрист*. 2006. № 11 (СПС «КонсультантПлюс»).

² См., например: *Ярков В.В.* Особенности рассмотрения дел по косвенным искам (СПС «КонсультантПлюс»); *Тузов Д.О.* Иски, связанные с недействительностью сделок. Теоретический очерк. Томск, 1998. С. 57.

В качестве ответчиков по искам участников общества о признании сделки недействительной традиционно привлекается само общество и другая сторона сделки. Если же исходить из того, что оспаривание сделки предусматривает форму косвенного иска, то ответчиком по такого рода искам должен был быть орган управления, «силами которого» была совершена эта сделка. В то же время общество должно привлекаться в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора. Статус другой стороны оспариваемой сделки вовсе не охватывается конструкцией косвенного иска. Помимо сказанного важным является и обстоятельство, отмеченное Д.О. Тузовым, который подчеркивает, что косвенные иски есть иски о присуждении, тогда как иски о признании сделки недействительной — иски преобразовательные¹.

С учетом сказанного можно говорить о том, что требования о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности данных сделок не являются косвенными исками и могут заявляться участниками общества только в тех случаях, когда это прямо допускается законом². Для тех же случаев, когда возможность участников общества оспорить сделку прямо не предусмотрена законом, такой иск не может быть удовлетворен арбитражным судом, в том числе и в случае указания участником общества на косвенный материально-правовой интерес, защищаемый таким иском.

II

Логичным продолжением рассмотренного выше вопроса будет анализ положений законопроекта, касающихся состава участвующих в деле лиц. И сразу же следует отметить, что некоторые из предлагаемых законопроектом новаций не соответствуют основным постулатам отечественного процессуального права, что, безусловно, препятствует их «встраиванию» в действующий АПК РФ.

¹ Тузов Д.О. Указ. соч. С. 57.

² См. об этом постановление Пленума ВАС РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах», в котором закреплено правило, в соответствии с которым «при разрешении споров, возникающих в связи с исками акционеров, необходимо иметь в виду, что иски акционерами могут предъявляться в случаях, предусмотренных законодательством» (п. 37).

Законопроектом предусмотрено внесение дополнений в ст. 46 АПК РФ, которая в редакции законопроекта приобретет следующий вид (здесь и далее предлагаемые законопроектом новеллы выделены курсивом):

«Статья 46. Участие в деле нескольких истцов или ответчиков

1. Иск может быть предъявлен в арбитражный суд совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам (процессуальное соучастие). *Вступление в дело соистцов и новых истцов возможно до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу.* Каждый из истцов или ответчиков выступает в процессе самостоятельно. Соучастники могут поручить ведение дела одному или нескольким из соучастников.

О вступлении в дело соистца или нового истца, а также об отказе в удовлетворении заявления о вступлении в качестве соистца или нового истца судом выносится определение. Такое определение может быть обжаловано.

2. *При несогласии истца на привлечение другого ответчика арбитражный суд первой инстанции по своей инициативе может привлечь к участию в деле другого ответчика, если рассмотрение дела без участия другого ответчика арбитражный суд первой инстанции по ходатайству сторон или с согласия истца привлекает к участию в деле другого ответчика.* При несогласии истца на привлечение другого ответчика арбитражный суд первой инстанции по своей инициативе может привлечь к участию в деле другого ответчика, если рассмотрение дела без участия другого ответчика невозможно.

Если федеральным законом предусмотрено обязательное участие в деле другого ответчика, а также по делам, вытекающим из административных и иных публичных правоотношений, арбитражный суд первой инстанции по своей инициативе привлекает к участию в деле другого ответчика.

После привлечения к участию в деле другого ответчика рассмотрение дела производится с самого начала».

При этом абз. 1 ч. 3 ст. 225¹, предлагаемой законопроектом к включению в АПК, предусматривает следующее положение: «Лицо, заинтересованное в разрешении корпоративного спора, вправе обратиться в арбитражный суд для вступления в дело, вытекающее из корпоративного спора, в качестве *соистца, нового истца, третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора* (курсив мой. — М.Р.)».

1. Как известно, рассмотрение всякого дела в арбитражном суде предусматривает участие в нем лиц, объединяемых общим наименованием — «участники арбитражного процесса». Среди участников про-

цесса арбитражное процессуальное законодательство (гл. 5 АПК РФ) выделяет лиц, участвующих в деле¹. Согласно ст. 40 АПК РФ *лицами, участвующими в деле*, являются:

- стороны (к которым в силу ст. 44 АПК РФ отнесены истец и ответчик);
- заявители;
- заинтересованные лица;
- третьи лица;
- прокурор;
- государственные органы, органы местного самоуправления и иные органы, обратившиеся в арбитражный суд в случаях, предусмотренных АПК РФ.

Пункт 1 ст. 46 АПК РФ устанавливает, что в тех случаях, когда иск предъявляется совместно несколькими истцами, имеет место процессуальное соучастие на стороне истца (вопросы процессуального соучастия на стороне ответчика не будут предметом рассмотрения в настоящей работе). Нормой этой статьи предусмотрено, что «иск может быть предъявлен в арбитражный суд совместно несколькими истцами», т.е. следуя буквальному толкованию действующего арбитражного процессуального законодательства, можно говорить о том, что в нем для истцов закреплена возможность совместного (сообща, одновременно) предъявления иска². При этом АПК РФ вовсе не содержит правил, определяющих порядок вступления лица в уже начатый процесс в качестве соистца: такая возможность исключена, и вступление еще одного истца в уже начавшийся процесс невозможно ни

¹ Иным участникам арбитражного процесса, поименованным в ст. 54 АПК РФ, внимания в настоящей работе уделяться не будет.

² Н.Г. Елисеев применительно к проблеме отсутствия правил вступления лица (в качестве соистца) в уже начавшийся процесс пишет: «...даже если фразу «совместное предъявление иска» трактовать как иск, предъявляемый вместе, но не обязательно одновременно, и допустить возможность появления в деле соистца после возбуждения производства, то обнаруживается, что в АПК РФ нет правил, позволяющих решать возникающие при этом процедурные вопросы – на каких стадиях допускается вступление соистца, в какой мере он связан результатами проведенных процессуальных мероприятий, вправе ли он требовать их повторения и т.д.» (Елисеев Н.Г. Процессуальный статус акционера в производстве по косвенному иску).

по инициативе участвующих в деле лиц, ни по инициативе арбитражного суда¹.

Традиционным для процессуального права положением является тезис о том, что соистцы не спорят друг с другом – их требования совместимы и не исключают друг друга, их интересы совпадают, но каждый из них выступает в процессе самостоятельно.

Тяготая к модели немецкого процессуального права, которое исходит из соображений материального права², российский гражданский и арбитражный процесс допускают процессуальное соучастие в случаях, если:

1) предметом иска служит общее право (например, иск вытекает из права общей собственности);

2) исковые требования вытекают из одного основания (например, из совместного причинения вреда несколькими лицами);

3) требования однородны, хотя и не тождественны по основаниям и предмету (например, при взыскании заработной платы несколькими работниками с одного работодателя)³.

В первых двух случаях соучастие связано со *множественностью субъектов* на одной стороне одного материально-правового правоотношения. В третьем случае имеет место *субъективное соединение однородных дел*, которые возникли из самостоятельных материально-

¹ Вероятно, эту проблему можно решить путем предъявления самостоятельного иска и последующего ходатайства об объединении дел, но это не панацея.

² Несколько лиц могут совместно предъявить иск или отвечать по иску в качестве процессуальных соучастников, если в отношении предмета спора они образуют правовую общность или их право либо обязанность базируется на одних и тех же фактических и юридических основаниях (§ 59 Гражданского процессуального уложения Германии); также тогда, когда предмет спора составляют требования либо обязанности, которые являются однородными и базируются на однородных по своей сущности фактических и юридических основаниях (§ 59 Гражданского процессуального уложения Германии) (цит. по: Гражданское процессуальное уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому процессуальному уложению: Пер. с нем. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 19–20). Интересно, что дореволюционное отечественное процессуальное законодательство придерживалось точки зрения французского гражданского процессуального права, которое рассматривало возможность соучастия с позиций сугубо процессуальных, допуская его только в целях облегчения работы суда (см. об этом: *Нефедьев Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. М., 1990. § 5.4 «Товарищество в тяжбе»).

³ Советский гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.А. Гурвича. М.: Высшая школа, 1975. С. 57.

правовых правоотношений, но совместное рассмотрение которых будет способствовать быстрому, единообразному и правильному их разрешению.

Соединение в арбитражном процессе нескольких лиц в качестве истцов всегда рассматривалось как упрощающее и ускоряющее судопроизводство, уменьшающее судебные расходы и исключающее вынесения противоречащих решений. По всей вероятности, этот институт — институт процессуального соучастия — может найти наибольшее применение именно при разрешении дел рассматриваемой категории.

Важным представляется то, что в литературе и судебной практике субъекты на стороне истца обычно обозначаются термином «соистцы» («соистец»), тогда как *в действующем АПК РФ данный термин вовсе не употребляется* — всегда используется термин «истец». Надо признать, что такое положение существует во всем федеральном законодательстве. Исключением из общего правила является только ГПК РФ, в котором термин «соистец» употребляется, правда, лишь однажды и явно случайно: п. 4 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ предусматривает обязанность судьи при подготовке дела к судебному разбирательству разрешить вопрос о «вступлении в дело соистцов, соответчиков и третьих лиц без самостоятельных требований относительно предмета спора».

В связи со сказанным *использование в предлагаемых к включению в АПК РФ положениях термина «соистец» представляется по меньшей мере неверным.*

2. Действующий АПК РФ допускает не только процессуальное соучастие на стороне истца. Кроме него АПК РФ предусматривает возможность вступления в начавшийся процесс **третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, — лица, которое вступает в уже возникший процесс для защиты собственных прав (ст. 50 АПК РФ)¹.**

¹ Гражданское процессуальное уложение Германии и здесь более подробно и обстоятельно: в § 64, предусматривающем вступление в дело третьего лица с самостоятельными требованиями, установлено, что тот, кто претендует в полном объеме или в части на вещь или право, спор в отношении которых между другими лицами поступил на рассмотрение суда, вправе до вынесения по указанному спору постановления, вступившего в законную силу, заявить свои требования путем предъявления к обеим сторонам иска в суд первой инстанции, в который этот спор поступил (цит. по: Граж-

По своей сути третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, — полноправная сторона арбитражного процесса, обладающая всей совокупностью прав истца; его статус — это статус «третьей стороны» в споре.

Прежде всего различие между истцом и третьим лицом, заявляющим самостоятельные требования относительно предмета спора, состоит в том, что последний вступает в уже начатый первым процесс. Третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, вступает в процесс по собственной инициативе — путем соответствующего предъявления искового требования.

Сопоставляя положение в арбитражном процессе истца и третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, и положение нескольких истцов по делу (процессуальное соучастие на стороне истца), можно говорить о существовании и иных, более принципиальных различий. Они обусловлены тем, что третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, считает спорное право принадлежащим ему, а не истцу (либо ответчику), т.е. его требования противоположены интересам истца (либо одновременно истца и ответчика), их требования исключают друг друга; требования же соистцов совместимы и не исключают друг друга (о чем уже говорилось).

Таким образом, требования истца и третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, — это требования претендентов; требования истцов при процессуальном соучастии на стороне истца — это требования общности («товарищества в тяжбе»). Представляется, что положения действующего АПК РФ, предусматривающие возможность привлечения лица в процесс в качестве истца (при процессуальном соучастии на стороне истца) либо в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, исчерпывают все возможные ситуации.

3. В связи с изложенным серьезные возражения вызывает следующая новация: из текста предлагаемой редакции абз. 2 ч. 1 ст. 46, абз. 1 ч. 3 ст. 225¹ АПК РФ вытекает, что законопроектом в арбитражный процесс вводится дополнительная фигура — *новый истец*. Обоснование этого предложения, объяснение необходимости вве-

данское процессуальное уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому процессуальному уложению: Пер. с нем. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 20).

дения подобного положения и анализ его допустимости введения в АПК РФ в Пояснительной записке МЭРиТ не содержатся. Иными словами, разработчики законопроекта «изобрели» новый вид участвующего в деле лица без какого-либо обоснования, без определения составляющих его правового статуса и соотношения со статусами истца и третьего лица, вовсе без учета положений отечественной доктрины процессуального права и норм действующего законодательства.

По всей вероятности, данное предложение разрабатывалось с целью способствования правильному и полному разрешению дел рассматриваемой категории. Возможно, таким нелепым образом предполагалось решить проблему вступления других истцов (при процессуальном соучастии на стороне истца) в уже начавшийся арбитражный процесс.

Вместе с тем включение положений о «новых истцах» предполагается в разд. I АПК РФ «Общие положения», и тем самым их действие должно распространиться на все категории дел, подлежащих рассмотрению в арбитражных судах, что заставляет серьезно усомниться в продуманности данного шага.

Думается, что на практике вполне возможны ситуации, когда институт правопреемства задействован быть не может, а имеется необходимость во вступлении лица в процесс именно в качестве соистца (но не третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора)¹. Следовательно, вступление в процесс этого лица (при установлении соответствующих ограничений) должно быть регламентировано. Однако это должно быть сделано не путем присвоения таким соистцам несуразного статуса, а путем определения самого порядка их вступления в процесс, а также решения возникающих процедурных вопросов (определения этапа, на котором допускается вступление соистца в уже начавшийся процесс, субъекта инициативы его вступления, последствия вступления его в процесс и пр.).

¹ Имеется в виду ситуация, когда необходимость вступления в процесс такого лица обнаружилась после окончания подготовки дела к судебному разбирательству. На стадии же подготовки дела такое вступление вполне допустимо, поскольку в обязанности арбитражного суда помимо прочего входит и обязанность решить вопрос о составе лиц, участвующих в деле, что предусматривает решение вопроса о вступлении в дело других лиц (ч. 3 ст. 133, п. 5 ч. 1 ст. 135 АПК РФ).

III

Далее хотелось бы остановиться на другой «стержневой» проблеме, которую предполагается решить данным законопроектом, – *проблеме подведомственности* дел, связанных с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций. Однако прежде необходимо объяснить используемое в названии и тексте настоящей работы наименование дел как «дел, связанных с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций», в то время как в законопроекте используется термин «корпоративные споры».

Рассматриваемый законопроект первоначально имел название «О внесении изменений и дополнений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, в Закон Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», в Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», в Федеральный закон «Об акционерных обществах», в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и в Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». Затем его название было несколько сокращено и подкорректировано: «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и некоторые другие акты законодательства Российской Федерации в целях совершенствования процедуры разрешения корпоративных споров». На сегодняшний день законопроект носит иное название: «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов разрешения корпоративных конфликтов)».

Изменение названия законопроекта было вызвано в том числе и критическими замечаниями, которые постоянно высказываются в отношении использования в нем словосочетания «корпоративные споры». Однако замена в названии законопроекта словосочетания «корпоративные споры» словосочетанием «корпоративные конфликты» принципиально ситуацию не изменила, породив при этом дополнительный вопрос относительно соотношения этих словосоче-

таний, первое из которых использовано исключительно в названии законопроекта, второе — в его тексте.

Допустимость использования в названии законопроекта, а также в арбитражном процессуальном законодательстве словосочетаний «корпоративные споры» и «корпоративные конфликты» вызывает серьезные сомнения. *Данные словосочетания не имеют четко выраженной, однозначной и не вызывающей споров не только законодательной, но и доктринальной дефиниции и, по сути, являются обычными словосочетаниями, привычными в бытовом общении.* Как пишет Г. Аболонин в отношении словосочетания «корпоративный спор», оно является «всего лишь еще одним синонимом давно известных самой широкой публике ситуаций экономической жизни, характеризующихся с помощью вошедших в обиход понятий «корпоративные конфликты» или «корпоративные войны»»¹. В то же время высказанное в литературе суждение о том, что данное словосочетание заслуживает «право на перевод его из обычного словоупотребления в язык, используемый законодателем»², не сопровождается хоть какими-либо доводами.

Согласившись с введением в законодательство названных бытовых словосочетаний, весьма сложно обосновать отказ во введении в законодательство подобных обозначений в отношении других категорий дел (например, «налоговые споры», «антимонопольные дела», «банкротные дела» и пр.)³.

В Пояснительной записке МЭРиТ в отношении словосочетания «корпоративные споры» разъяснялось, что в законопроекте «предлагается закрепить указанный термин как понятие, раскрываемое через набор двух признаков — субъектный и предметный критерии, однако при этом намеренно не вводится какой-либо легальной дефиниции данного понятия, учитывая существующее многообразие точек зрения по вопросу, что следует понимать под корпоративными отношениями и спорами, возникающими вокруг них»⁴. Иными сло-

¹ Аболонин Г. «Новые» иски // *Эж-Юрист*. 2006. № 11 (СПС «КонсультантПлюс»).

² См.: Степанов Д.И. Корпоративные споры и реформа процессуального законодательства // *Вестник ВАС РФ*. 2004. № 2. С. 149.

³ Развивая тему «удобства» законодательства для словоупотребления, можно привести в закон и более экзотические — сленговые — понятия. Вряд ли в отношении законодательства приемлемы такие эксперименты.

⁴ Пояснительная записка МЭРиТ. С. 40–41.

вами, разработчики законопроекта принципиально отошли от традиции определения обобщающего понятия, вводимого в законодательство.

Неправильность такого подхода отмечается в большинстве заключений, подготовленных на данный законопроект. И, например, в заключении Комитета по промышленности, строительству и наукоемким технологиям говорится о том, что «в целях устранения в последующем неоднозначного толкования норм закона в правоприменительной практике необходимо более подробно определить понятие корпоративных споров»¹. Верховный Суд РФ в своем заключении в отношении словосочетания «корпоративный спор» указывает следующее: «Без формулировки данного понятия, указания его основных признаков представляется невозможным определить, какие из перечисленных в проекте споров являются корпоративными»². Еще более верное замечание содержится в заключении Правового управления Государственной Думы, в котором подчеркивается, что «в отсутствие в законе четкого определения данного понятия вряд ли удастся обеспечить абсолютную определенность в вопросе о том, какие споры следует относить к «корпоративным спорам» и, соответственно, к подведомственности арбитражных судов»³.

Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о том, что отсутствие определения предлагаемого понятия является серьезным препятствием к уяснению и реализации на практике предлагаемых законопроектом правил разграничения подведомственности дел рассматриваемой категории между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. И вполне обоснованным является замечание А. Дедова, который по этому поводу пишет: «Вместо того чтобы дать четкое определение, охватывающее все признаки данного понятия, ограничить закон от вольной трактовки, определить четкие рамки его распространения, законодатель фактически оставляет это на усмотрение судей»⁴.

Безусловно, далеко не во всех случаях законодатель дает дефиницию используемого в том или ином законе понятия, но в таких слу-

¹ Заключение Комитета по промышленности, строительству и наукоемким технологиям от 23 марта 2007 г. С. 2.

² Заключение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2007 г. С. 3.

³ Заключение Правового управления Государственной Думы от 9 марта 2007 г. С. 1.

⁴ Дедов А. «Групповые» иски и АПК // эж-Юрист. 2006. № 17 (СПС «Консультант-Плюс»).

чаяя отсутствие дефиниции обычно восполняется четкостью критериев, позволяющих определить содержание используемого понятия.

В данном же случае нет оснований говорить и о четком формулировании анонсируемых в Пояснительной записке МЭРиТ субъектного и предметного критериев, на которые разработчики законопроекта указывают как на панацею. Эти критерии, которые, предполагалось, будут способствовать четкому разграничению предметов ведения между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, обнаружить в законопроекте весьма затруднительно, и абсолютно правильным представляется мнение, выраженное в заключении Государственно-правового управления Президента РФ: «По существу, в законопроекте лишь перечислены (причем не исчерпывающим образом) субъекты и возможный предмет корпоративных споров, подведомственных арбитражным судам (пункты 1 и 2 статьи 1 законопроекта). При этом анализ предложенных законопроектом формулировок статей 33 и 33¹ Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации показывает, что корпоративные споры могут рассматриваться не только арбитражными судами, но и судами общей юрисдикции»¹.

Отсутствие определения понятия «корпоративный спор» (объясняемый в Пояснительной записке большим разбросом мнений в отношении того, что следует понимать под корпоративными отношениями), отсутствие четких и ясных «субъективного и предметного» критериев (указание на которые призвано, кажется, только «декорировать» отказ от определения самого понятия) не позволяют уяснить самый принцип отнесения дел к категории «корпоративные споры». Это обстоятельство позволило разработчикам законопроекта весьма свободно устанавливать, какие дела подпадают под обозначенную категорию, вследствие чего к «корпоративным спорам» были отнесены дела, которые весьма сложно отнести к делам, возникающим из корпоративных отношений. Это, в частности, дела, связанные с отказом *регистрирующего органа* в государственной регистрации юридического лица (либо уклонением государственного органа от государственной регистрации юридических лиц или внесения изменений в государственный реестр юридических лиц); дела по *индивидуальным*

¹ Заключение Государственно-правового управления Президента РФ от 15 марта 2007 г. С. 1–2.

трудовым спорам работников, входящих в коллегиальные исполнительные и контрольные органы или осуществляющих функции единого исполнительного органа юридического лица¹.

Результат такой свободы весьма точно охарактеризован в заключении ВС РФ: «...термин «корпоративный спор» в проекте толкуется очень широко»².

Думается, вряд ли можно приветствовать введение в арбитражное процессуальное законодательство «бытовизма», искусственно «наполненного» чрезмерно широким содержанием (охватывающим и споры, вовсе не затрагивающие корпоративных отношений), поскольку его содержание, по разумению разработчиков законопроекта, для иных случаев может достаточно легко изменяться (ограничиваться)³. Необъяснимое стремление разработчиков законопроекта ввести понятие, в котором действующий АПК РФ вовсе не нуждается, которое не определено ни в законодательстве, ни в доктрине, содержание которого не имеет четкого объема и может различно трактоваться в зависимости от ситуации, приводит к противоречиям в логике данного законопроекта, к искажению его задач и целей, снижению его эффективности по принятии.

Более того, в литературе уже высказываются предположения о последствиях введения данного понятия. Так, О. Осипенко, указывает на возможность маскировки под «корпоративные споры» споров по другим категориям дел, например, «ради использования истцом или ответчиком неких предусмотренных Проектом процессуальных преференций или, точнее, тех процессуальных конструкций, которые покажутся им тактически выигрышными. Так, можно предвидеть, что отдельные режимы Проекта будут вполне законно эксплуатироваться ради пресловутого затягивания рассмотрения дел»⁴.

¹ См. текст ст. 33 и 33¹ законопроекта на официальном сайте МЭРиТ: www.economy.gov.ru (раздел «Законодательство/Проекты законов»).

² Заключение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2007 г. С. 3.

³ В Пояснительной записке МЭРиТ указывается, что термин «корпоративные споры» может быть «использован не только в иных нормативных правовых актах, но и позволяет также ограничивать содержание данного понятия, исключая из него отдельные признаки, указанные в новой редакции ст. 33 АПК РФ» (Пояснительная записка МЭРиТ. С. 41).

⁴ *Осипенко О.* Совершенствование процедуры разрешения корпоративных споров // Корпоративный юрист. 2006. № 6 (июнь) (СПС «Гарант»).

С учетом вышесказанного представляется необходимым отказаться от использования предлагаемых законопроектом терминов «корпоративный спор» и «корпоративный конфликт». Взамен предлагается использовать иной термин, отражающий существо рассматриваемой категории дел, — **«дела по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций»**. Данное название для рассматриваемой категории дел представляется весьма точным и будет способствовать облегчению разграничения подведомственности этих дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Для решения вопросов подведомственности дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций, необходимо обратиться к нормам, определяющим компетенцию арбитражных судов.

Как известно, долгое время основным критерием разграничения подведомственности дел суду общей юрисдикции и арбитражному суду являлся субъектный состав споров. Споры с участием граждан разрешал суд общей юрисдикции, а с участием юридических лиц — арбитражный суд. Критерий же предметный (экономический характер спора) играл «вторую скрипку».

Концепция судебной реформы исходила из необходимости четкого разграничения компетенции судов именно по предметному критерию — характеру спора. Изменение компетенции предполагалось осуществить путем передачи в арбитражные суды ряда дел с участием граждан, например, возникающих из корпоративных отношений, вексельных отношений и ряда иных, т.е. дел, которые по своей сути возникли из споров в хозяйственном обороте. При этом критерий субъектного состава оставался, но постепенно уходил на второй план, обеспечивая специализацию каждого из судов гражданской юрисдикции¹.

К сожалению, поставленная задача разграничения компетенции двух государственных судов в действующих ГПК РФ и АПК РФ была решена лишь частично, что порождало (и порождает) серьезные проблемы, одной из которых является формирование различных (ино-

¹ Арбитражный процесс: Учебник / Под. ред. В.В. Яркова. М., 2003. С. 79.

гда диаметрально противоположных!) подходов судов общей юрисдикции и арбитражных судов в практике применения действующего законодательства.

В действующий АПК РФ включена норма о специальной подведомственности дел арбитражному суду (ст. 33 АПК). *В силу ее положений к компетенции арбитражного суда отнесены дела, которые по своему характеру связаны с предпринимательской и иной экономической деятельностью вне зависимости от субъектного состава участников правоотношений*, из которых возник спор (юридические лица, индивидуальные предприниматели или обычные граждане). Таким образом, специальная подведомственность дел арбитражному суду обусловлена спецификой его компетенции как суда, полномочного осуществлять защиту прав лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В силу положений ч. 1 ст. 33 АПК РФ к компетенции арбитражных судов специально отнесены дела:

- 1) о несостоятельности (банкротстве);
- 2) по спорам о создании, реорганизации и ликвидации организаций;
- 3) по спорам об отказе в государственной регистрации, уклонении от государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей;
- 4) по спорам между акционером и акционерным обществом, участниками иных хозяйственных товариществ и обществ, вытекающим из деятельности хозяйственных товариществ и обществ, за исключением трудовых споров;
- 5) о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;
- 6) другие дела, возникающие при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности, в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Безусловно, редакцию п. 4 ч. 1 ст. 33 АПК РФ, относящего к компетенции арбитражного суда дела «по спорам между акционером и акционерным обществом, участниками иных хозяйственных товариществ и обществ, вытекающим из деятельности хозяйственных товариществ и обществ, за исключением трудовых споров», сложно назвать исчерпывающей и безукоризненно точной. Как показала практика, несовершенство данного положения привело к тому, что многие

дела по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций, одинаково «успешно» принимаются к рассмотрению как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами¹. При этом в литературе не прекращаются споры о компетентном суде в отношении требований граждан о признании недействительными сделок и (или) применении последствий недействительности сделок с акциями (долями в уставном капитале), о досрочном прекращении полномочий единоличного органа (директора, генерального директора) или членов коллегиального органа (правлений, дирекций) и т.д.

Все это и послужило причиной для начала кампании по совершенствованию положений АПК РФ о специальной подведомственности (п. 4 ч. 1 ст. 33 АПК РФ). И уже в процессе разработки положений, четко определяющих круг дел, связанных с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций, и подлежащих рассмотрению в арбитражном суде, появился данный законопроект, нацеленный на уточнение (более подробное урегулирование) самого порядка рассмотрения этой категории дел.

Законопроект предусматривает внесение изменений в п. 2, 3, 4 ч. 1 ст. 33 АПК РФ, регулирующие специальную подведомственность дел арбитражным судам. В редакции законопроекта эта часть названной статьи имеет следующий вид:

¹ В соответствии с п. 6 постановления Пленума ВАС РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» положения п. 4 ч. 1 ст. 33 АПК РФ подлежат применению с учетом его ч. 1 ст. 27: арбитражным судам подведомственны споры между участником хозяйственного товарищества или общества и хозяйственным товариществом или обществом, вытекающие из деятельности этих хозяйственных товариществ и обществ и связанные с осуществлением прав и выполнением обязанностей участниками хозяйственных товариществ и обществ. При этом споры между участниками хозяйственных товариществ и обществ, если хотя бы один из них является гражданином, не имеющим статуса индивидуального предпринимателя, не подлежат рассмотрению в арбитражном суде, за исключением случаев, когда указанные споры связаны с предпринимательской или иной экономической деятельностью указанных хозяйственных товариществ и обществ. Таким образом, толкование положения п. 4 ч. 1 ст. 33 АПК РФ, данное в этом постановлении Пленума ВАС РФ, проблемы не решило.

«1. Арбитражные суды рассматривают дела:

1) о несостоятельности (банкротстве);

2) по спорам о защите прав и интересов коммерческих организаций независимо от организационно-правовой формы, а также некоммерческих организаций в форме некоммерческих партнерств, ассоциаций, союзов, фондов, кредитных потребительских кооперативов, объединений работодателей, негосударственных пенсионных фондов или их участников в связи с организацией деятельности, членством или участием в капитале (корпоративные споры), предусмотренным статьей 33 настоящего Кодекса;

3) по спорам, связанным с осуществлением деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, если такие споры не связаны с корпоративными спорами, деятельности акционерных инвестиционных фондов, деятельности по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами, деятельности специализированного депозитария инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, деятельности негосударственных пенсионных фондов, деятельности по доверительному управлению ипотечным покрытием, деятельности специализированного депозитария ипотечного покрытия, деятельности по ведению реестра владельцев инвестиционных паев и ипотечных сертификатов участия;

4) по спорам, связанным с государственной регистрацией индивидуальных предпринимателей, в том числе с отказом в государственной регистрации или уклонением от государственной регистрации, внесением изменений в государственный реестр индивидуальных предпринимателей;

5) о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

6) другие дела, возникающие при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности, в случаях, предусмотренных федеральным законом.

2. Указанные в части 1 настоящей статьи дела рассматриваются арбитражным судом независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане».

Пункт 2 ч. 1 ст. 33 (в редакции законопроекта) весьма краток и содержит отсылку к ст. 33¹, предлагаемой законопроектом к включению в АПК РФ:

«Статья 33. Подведомственность корпоративных споров арбитражным судам

1. Арбитражные суды рассматривают корпоративные споры с участием юридических лиц, указанных в пункте 2 части 1 статьи 33 настоящего Кодекса, их участников (учредителей, акционеров, членов), лиц, входящих в

органы управления и контроля, в том числе ревизионные комиссии, в коллегиальные исполнительные органы, осуществляющих функции единоличного исполнительного органа или ревизора юридического лица, держателей реестра владельцев ценных бумаг, депозитариев, органов, осуществляющих государственную регистрацию юридических лиц, государственную регистрацию выпусков эмиссионных ценных бумаг, и иных лиц.

Иные лица, не являющиеся на момент обращения в суд первой инстанции участниками (учредителями, акционерами, членами) юридических лиц, держателями реестра владельцев ценных бумаг, депозитариями, вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих прав и законных интересов, нарушенных или оспариваемых в связи с корпоративным спором, если до обращения в арбитражный суд соответствующее лицо являлось участником правоотношения, из которого возник корпоративный спор или в связи с которым заявлено требование, или такое лицо может стать участником такого правоотношения в результате рассмотрения дела арбитражным судом либо по иным основаниям, установленным федеральным законом, или имеет право на обращение с иском в суд в соответствии с настоящим Кодексом или федеральным законом.

2. Корпоративные споры, возникшие между лицами, указанными в части 1 настоящей статьи, подлежат рассмотрению арбитражным судом, если соответствующий спор:

1) вытекает из деятельности юридического лица и связан с управлением либо участием в юридическом лице, в том числе с принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паев членов кооперативов, установлением обременений на них, реализацией вытекающих из них прав, за исключением споров, возникающих между указанными в части 1 настоящей статьи лицами в связи с разделом наследственного имущества или разделом общего имущества супругов, включающего в себя акции, доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паи членов кооперативов, или возник из требований по искам участников (учредителей, акционеров, членов) юридического лица о признании недействительными сделок юридического лица и (или) применении последствий недействительности соответствующих сделок;

2) вытекает из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг и (или) депозитариев, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, а также осуществлением держателем реестра владельцев ценных бумаг и (или) депозитарием иных прав и обязанностей, предусмотренных федеральным законом, в связи с размещением и (или) обращением ценных бумаг;

3) связан с назначением (избраением), прекращением, приостановлением полномочий и ответственностью лиц, входящих (входивших) в состав органов управления и контроля юридического лица, в том числе ревизионных ко-

миссий (ревизоров), а также лиц, входящих (входивших) в коллегиальные исполнительные органы либо осуществляющих функции единоличного исполнительного органа юридического лица, или возник из договора подряда либо возмездного оказания услуг указанных лиц с юридическим лицом, или связан с защитой интересов указанных лиц по индивидуальным трудовым спорам с юридическим лицом (работодателем);

4) связан с созданием, реорганизацией или ликвидацией организации либо с отказом в государственной регистрации, уклонением от государственной регистрации юридических лиц или внесением изменений в Единый государственный реестр юридических лиц;

5) связан с признанием недействительным выпуска эмиссионных ценных бумаг, в том числе с признанием недействительными актов государственных органов о государственной регистрации выпуска эмиссионных ценных бумаг и отчета об итогах выпуска ценных бумаг, а именно по спорам об обжаловании ненормативных правовых актов государственных органов, связанных с эмиссией ценных бумаг, о признании недействительными решений органов эмитента, связанных с эмиссией ценных бумаг, выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг, сделок, совершенных в процессе размещения эмиссионных ценных бумаг, или отчета об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг.»

Анализ ст. 33, 33¹ (в редакции законопроекта, подготовленного к рассмотрению в первом чтении) позволяет говорить о том, что цель четкого и однозначного разграничения подведомственности дел, связанных с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций, не достигнута. Данное обстоятельство подтверждают и заключения ВАС РФ и ВС РФ, в которых положения, касающиеся разграничения подведомственности, не получили положительной оценки¹.

То есть аморфное понятие «корпоративные споры», объединяющее столь разные дела и позволяющее (при известном желании) подводить под него другие категории дел, и нагромождение перечислений возможных субъектов не имеют того стержня, который бы позволил говорить о четком разграничении подведомственности между двумя ветвями судебной власти. Урегулирование вопросов подведомственности в представленном виде снова требует совместного разъяснения Пленумов высших судебных инстанций (как и «сегодняшний»

¹ См. заключение ВАС РФ от 13 марта 2007 г. С. 4–5; заключение ВС РФ от 26 февраля 2007 г.

п. 4 ч. 1 ст. 33 АПК РФ), что вряд ли позволяет оценивать позитивно предложенные новеллы.

Развивая эту тему, важно отметить следующее.

1. Прежде всего интересен тот факт, что на стадии подготовки к рассмотрению в первом чтении и законопроекта было исключено положение об отнесении к подведомственности арбитражных судов дел «по индивидуальным трудовым спорам работников, входящих в коллегиальные исполнительные и контрольные органы или осуществляющих функции единоличного исполнительного органа юридического лица, за исключением потребительских кооперативов, политических партий, благотворительных организаций, религиозных организаций, общественных организаций (объединений), некоммерческих товариществ, товариществ собственников жилья, профессиональных союзов»¹. Таковую новацию предполагалось включить в п. 4 ч. 1 ст. 33 АПК РФ. При этом в Пояснительной записке МЭРиТ разработчиками разъяснялось, что подобные «*корпоративные по своей сути, но замаскированные под трудовые*» (курсив мой. — М.Р.), споры с участием лиц, занимающих должность единоличного исполнительного органа хозяйственного общества»² должны относиться к подведомственности арбитражного суда, поскольку рассмотрение их судами общей юрисдикции, как подчеркивали разработчики проекта, «создает возможность перехвата корпоративного контроля»³.

Вероятно, предлагая подобную новацию, разработчики исходили из желания прекратить давно ведущуюся в юридической литературе дискуссию о том, корпоративными или трудовыми являются споры между работником, входящим в орган юридического лица или являющимся органом этого лица, и обществом⁴. Однако пояснения, содержащиеся в Пояснительной записке, вступали в противоречие с существом предлагаемой новеллы. Буквальное же прочтение предлагаемой нормы позволяло сделать вывод о том, что все индивидуальные трудовые споры, которые могут возникнуть с участием руководителей обществ (генеральных директоров, директоров), членов

¹ Текст законопроекта, подготовленный МЭРиТ (www.economy.gov.ru).

² Пояснительная записка МЭРиТ. С. 40.

³ Там же.

⁴ См. о дискуссии: *Маковская А.А.* Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // *Убытки и практика их возмещения: Сб. / Отв. ред. М.А. Рожкова.* М.: Статут, 2006. С. 334—343.

правления или дирекции, управляющих, подлежат рассмотрению в арбитражном суде. Даже в том случае, если существо индивидуального трудового спора сводится к несогласию члена правления с установленным графиком отпусков, этот спор, исходя из названного правила, будет подведомствен арбитражному суду.

В силу сказанного можно только поддержать исключение этого положения из законопроекта как недостаточно продуманного.

Сказанное, однако, не означает, что споры, связанные с назначением или избранием, прекращением, приостановлением полномочий и ответственностью лиц, входящих в состав органов управления и контроля юридического лица, должны рассматриваться в суде общей юрисдикции; данные споры должны быть подведомственны арбитражному суду как относящиеся к *организации управления обществом*.

Попытки некоторых авторов трактовать эти споры исключительно как трудовые являются не более чем данью сложившейся традиции видеть в отношениях между организацией и управляющим (менеджером) только отношения работодателя и наемного работника, что сегодня уже анахронизм, сохранившийся со времен плановой экономики. *Сегодняшние отношения между организацией и управляющим (менеджером) есть по существу отношения по передаче последнему власти над чужим капиталом, которую он обязуется осуществлять, действуя добросовестно и разумно в целях преумножения этого капитала*¹. Трактовать фигуру управляющего только как наемного

¹ Стандарты ст. 53 ГК РФ, предусматривающие обязанность управляющего «действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно», получили развитие в ст. 3.1.1 гл. 3 Кодексе корпоративного поведения (утв. распоряжением ФКЦБ 4 апреля 2002 г. № 421/р). В нем установлено: «Обязанность члена совета директоров действовать добросовестно и разумно в интересах общества подразумевает, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей, предусмотренных законодательством, уставом и иными внутренними документами общества, он должен проявлять заботливость и осмотрительность, которых следует ожидать от хорошего руководителя в аналогичной ситуации при аналогичных обстоятельствах». Эти стандарты поведения, считает Р.Б. Перкинз (консультант «Дебевойз энд Плимpton ЛЛП»), являются аналогом разработанной в общем праве концепции «фидуциарных обязанностей», к которым относятся (1) обязанность сохранения управляющим лояльности (*duty of loyalty*) (которая в последнее время чаще называется обязанностью честного ведения дел (*duty of fair dealing*)) и (2) обязанность управляющего по проявлению заботливости (*duty of care*) (*Перкинз Р.Б. Иски частных лиц по закону «Об акционерных обществах» // Законодательство. 2005. № 9 (СПС «Гарант»)*).

работника, который осуществляет свою трудовую функцию, не только неправильно, но и чрезвычайно вредно для целей определения значимости его роли в корпоративных отношениях.

Допустимо предполагать, что менеджеры в некоторых случаях пытаются использовать (и используют) предоставленную им власть над чужим капиталом в собственных интересах, в других случаях они принимают «неудачные» решения или просто неоправданно рискуют, тем самым уменьшая размер вверенного им капитала и пр. Для целей исключения подобных ситуаций и нивелирования их последствий в законодательстве (и в договоре с управляющим) предусматриваются различного рода механизмы, направленные на оптимизацию управления обществом и устанавливающие ответственность управляющих за ненадлежащее осуществление ими обязанностей по управлению обществом.

Такого рода положения закреплены в корпоративном законодательстве многих стран (в частности, Германии, Франции, Дании). Положения об ответственности управляющих были знакомы и российскому гражданскому праву 1922 г.; например, устанавливалось, что члены правления кредитного или ссудо-сберегательного кредитного товарищества, «нарушившие свои обязанности, отвечают совокупно всем своим имуществом за все убытки, причиненные ими товариществу... Общее собрание может назначить членам правления вознаграждения. Член правления может быть удален от должности постановлением общего собрания»¹. Подобные положения и сегодня присутствуют в российском законодательстве.

Вследствие сказанного возникающие отсюда споры — это споры из гражданских (корпоративных) отношений и связаны они с оптимизацией организации управления обществом, т.е. это споры, связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью.

2. Нет оснований для исключения из действующей редакции п. 3 ч. 1 ст. 33 АПК РФ упоминания о юридических лицах² и дробления

¹ Справочник-юрист для изб-читален волисполкомов и сельсоветов. По вопросам государственного устройства, земельным, кооперации, судебным, налоговым и другим / Под ред. и с предисл. Д.И. Курского. М.: Юрид. изд. Наркомюста РСФСР, 1925. С. 209.

² Действующая редакция п. 3 ч. 1 ст. 33 АПК РФ к компетенции арбитражных судов относит дела «по спорам об отказе в государственной регистрации, уклонении от

этого пункта на два идентичных по смыслу положения, закрепляемых в различных статьях АПК РФ (см. п. 3 ч. 1 ст. 33 и п. 4 ч. 2 ст. 33¹ в редакции законопроекта). Отсутствие необходимости в такой трансформации подтверждено и в заключении ВАС РФ¹.

Следует отметить, что данная новация, предлагаемая законопроектом, основывалась на отнесении дел об отказе в государственной регистрации, об уклонении в государственной регистрации к категории «корпоративных споров».

Между тем дела, связанные с отказом в государственной регистрации, с уклонением в государственной регистрации, — это дела, возникающие из отношений между учредителями юридического лица и регистрирующим органом. При всей значимости данных отношений для возникновения корпорации они (эти отношения) не являются корпоративными хотя бы по причине отсутствия самой корпорации — юридического лица с фиксированным числом участников (оно еще не возникло)². Более того, подобные дела могут возникать и при создании, например, унитарного предприятия, которое к корпорации в любом случае относиться не может, и, следовательно, дело об отказе регистрирующего органа в его государственной регистрации либо уклонении от его государственной регистрации не подпадает под разряд «корпоративные споры». Не менее странно рассматривать и регистрирующий орган как участника корпоративных правоотношений.

Таким образом, дела, вытекающие из отношений по поводу регистрации юридических лиц, безусловно, не попадают в категорию «корпоративные споры» ни по критерию субъектного состава, ни по предметному критерию. Допустимость отнесения подобных дел к категории дел, связанных с предпринимательской или иной экономи-

государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей». В редакции законопроекта в п. 4 говорится исключительно о делах с участием индивидуальных предпринимателей, т.е. о делах «по спорам, связанным с государственной регистрацией индивидуальных предпринимателей, в том числе с отказом в государственной регистрации или уклонением от государственной регистрации, внесением изменений в государственный реестр индивидуальных предпринимателей».

¹ Заключение ВАС РФ от 13 марта 2007 г. С. 4.

² Подробно позиция автора настоящей работы в корпоративных отношениях изложена в статье: *Рожкова М.А.* Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС РФ. 2005. № 9.

ческой деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций, вызывает серьезные сомнения, поскольку создание, реорганизация и ликвидация организации никак не вмещаются в рамки «деятельность, организация управления, членство, участие в капитале», что, впрочем, нисколько не умаляет значимость данной категории дел.

3. Также не подпадают под категорию дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций, и дела, поименованные в п. 3 ч. 1 ст. 33 АПК РФ (в редакции законопроекта), хотя их сопряженность, кажется, очевидна. При том, что сфера возникновения подобных дел (дел, перечисленных п. 3 ч. 1 ст. 33 АПК РФ (в редакции законопроекта)) есть сфера экономического оборота, прямое отнесение подобных дел, получающих все большее распространение на практике, к компетенции арбитражных судов представляется правильным.

Вместе с тем редакцию самого пункта нельзя назвать удачной. В заключении ВАС РФ содержится указание только на исключение из п. 3 ч. 1 ст. 33 слов «когда такие споры не связаны с корпоративными спорами»¹, однако, как представляется, этого недостаточно. Дефектность предлагаемой редакции состоит в том, что в ней только указывается на связанность спора с деятельностью профессиональных участников рынка ценных бумаг и деятельностью различных фондов (подробно и исчерпывающе перечисленных в статье), однако характер самих споров вовсе не определен.

Между тем, как уже отмечалось, ст. 33 АПК РФ предусматривает отнесение к компетенции арбитражных судов споров, которые *по своему характеру связаны с предпринимательской и иной экономической деятельностью вне зависимости от субъектного состава участников правоотношений*. Следовательно, данный пункт должен четко определять сами дела, обладающие специальной подведомственностью арбитражному суду, тогда как исчерпывающее перечисление их участников вовсе не является обязательным.

4. В чем-то схожие упреки можно адресовать и п. 5 ч. 2 ст. 33¹ (в редакции законопроекта): дела, связанные с признанием недействительным выпуска эмиссионных ценных бумаг, не являются дела-

¹ Заключение ВАС РФ от 13 марта 2007 г. С. 4.

ми, связанными с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций. Вследствие этого совершенно правильным является вывод ВАС РФ о необходимости исключения этого пункта из ч. 2 ст. 33¹ и включения его в виде самостоятельного пункта в ч. 1 ст. 33 АПК РФ¹.

5. Отдельного внимания заслуживает, безусловно, п. 2 ч. 1 ст. 33 (в редакции законопроекта).

Во-первых, следует отметить неудачность формулировки данного пункта, начинающегося словами: «по спорам о защите прав и интересов коммерческих организаций, независимо от организационно-правовой формы, а также...». Согласно ч. 2 ст. 4 АПК РФ заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Поэтому повторное указание в анализируемом пункте ч. 1 ст. 33 АПК РФ на возможность защиты прав и интересов различных организаций и иных лиц явно избыточно и «утяжеляет» норму, не неся при этом какой-либо дополнительной смысловой нагрузки.

Во-вторых, как и в ранее названных случаях, акцент в данном пункте смещен на перечисление вероятностных субъектов данных дел, тогда как определяющим должно быть указание на характер споров². Учитывая положение ч. 2 ст. 33 АПК РФ, предусматривающее, что *названные в ч. 1 данной статьи дела рассматриваются арбитражным судом независимо от того, кто является участниками правоотношений*, такое перечисление вступает в противоречие с логикой данной статьи, и более того, с принципом установления правил специальной подведомственности. Отказ же от попытки обозначить всех возможных участников дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций, позволяет в полной мере реализовать правило ч. 2 ст. 33 АПК РФ, отнеся к компетенции арбитражного суда **все дела по спорам**, назван-

¹ Заключение ВАС РФ от 13 марта 2007 г. С. 4.

² И например, в заключении Комитета по кредитным организациям и финансовым рынкам указывается, что п. 2 ч. 1 ст. 33 (в редакции законопроекта) «посредством перечисления субъектов взаимоотношений раскрывает понятие «корпоративные споры» (заключение Комитета по кредитным организациям и финансовым рынкам от 13 марта 2007 г. С. 4).

ным в п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ, **независимо от их субъектного состава** (как это имеет место, например, по делам о несостоятельности (банкротстве)).

В-третьих, исходя из того, что ст. 33 АПК РФ – единственная статья, определяющая специальную подведомственность дел арбитражным судам, введение ст. 33¹ – статьи, раскрывающей лишь один из пунктов ст. 33 АПК РФ, не может быть поддержано, поскольку такой технический прием ничем не обоснован, затрудняет уяснение и применение устанавливаемых правил, а кроме того, не отвечает требованиям юридической техники.

Исходя из вышесказанного представляется правильным отказаться от выделения части дел, обладающих специальной подведомственностью арбитражному суду, в самостоятельную ст. 33¹, закрепив устанавливаемые ею положения в п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ (что надо сказать, изначально планировалось ВАС РФ при разработке положений по совершенствованию АПК РФ). Иными словами, предлагается исключить из законопроекта ст. 33¹, а п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ изложить в следующей редакции:

«2) по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций, к которым, в частности, относятся:

а) споры, связанные с предпринимательской или иной экономической деятельностью организации, в том числе иски о признании недействительными сделок этой организации и (или) применении последствий недействительности соответствующих сделок, о взыскании сумм объявленных, но не выплаченных дивидендов;

б) споры, связанные с участием в капитале юридического лица, в том числе споры, возникающие из сделок с акциями, долями в уставном (складочном) капитале хозяйственных товариществ и обществ, паями членов кооперативов; споры о правах на акции, доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных товариществ и обществ, паи членов кооперативов, за исключением споров, возникающих в связи с разделом наследственного имущества или разделом общего имущества супругов, включающего в себя акции, доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных товариществ и обществ, паи членов кооперативов;

в) споры, связанные с членством, в том числе иски о признании недействительными решений общего собрания при несвоевременном извещении (неизвещении) акционера о дате проведения общего собрания; непредоставлении акционеру необходимой информации по вопросам повестки дня; несвоевременном предоставлении бюллетеней для голосования;

г) споры, связанные с деятельностью держателей реестра владельцев ценных бумаг и (или) депозитариев по учету прав на акции и иные ценные бумаги, а также осуществлением ими иных прав и обязанностей, предусмотренных федеральным законом, в связи с размещением и (или) обращением ценных бумаг;

д) споры, связанные с организацией управления юридического лица, в том числе споры, связанные с назначением (избранием), прекращением, приостановлением полномочий и ответственностью лиц, входящих (входивших) в состав органов управления и контроля юридического лица (включая ревизионные комиссии (ревизоров)), а также лиц, входящих (входивших) в коллегиальные исполнительные органы либо осуществляющих функции единоличного исполнительного органа юридического лица.

Арбитражный суд рассматривает дела, в том числе с участием лиц, которые на момент обращения в суд первой инстанции участниками (учредителями, акционерами, членами) юридических лиц, держателями реестра владельцев ценных бумаг, депозитариями не являются, если до обращения в арбитражный суд они являлись участником правоотношения, из которого возник спор, а также лиц, которые могут стать участником такого правоотношения в результате рассмотрения дела арбитражным судом.»

В отношении расширения специальной подведомственности дел арбитражным судам высказываются некоторые возражения¹.

Между тем нельзя не отметить, что расширение компетенции арбитражных судов – это нормальный процесс, связанный с усложнением экономического оборота, с появлением новых категорий споров, связанных именно с предпринимательской и экономической деятельностью. Предпосылки этому были заложены в концепции судебной реформы, предусматривающей разграничение компетенции судов по предметному признаку – сфере возникновения споров.

В завершение настоящей части хотелось бы отметить, что разграничение компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, рассматривающих дела по прямому указанию закона, должно быть максимально четким и простым с целью исключить ситуации невозможности для лиц получить судебную защиту. Многословность же и сложность изложения, довольно низкий уровень юридической тех-

¹ См., например, заключения ВС РФ от 26 февраля 2007 г. С. 3, заключение Правового управления Государственной Думы от 9 марта 2007 г. С. 4.

ники, а в немалой степени — постановка во главу угла весьма неопределенного «бытовизма» не позволили создать логичную и ясную систему разграничения подведомственности и существенно затруднили уяснение предлагаемых законопроектом правовых конструкций. И результатом стало большое количество негативных отзывов и возражений экспертов, притом что в целом необходимость совершенствования АПК РФ в части разграничения подведомственности дел рассмотренной категории никем не оспаривается.

IV

Следующей проблемой, требующей тщательного анализа, является проблема подсудности рассматриваемой категории дел арбитражным судам.

Понятие «подсудность» принято рассматривать как понятие, производное от поднятия «подведомственность»: подсудность — частная разновидность подведомственности применительно к судам одной судебной системы (здесь — арбитражным судам¹).

Общим правилом территориальной подсудности является предъявление иска по месту нахождения или месту жительства ответчика (ст. 35 АПК РФ). Это правило в качестве общего распространяется и на дела по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций.

Однако сегодня получила широкое распространение практика злонамеренного обращения с иском в арбитражный суд не по месту нахождения ответчика — юридического лица, в связи с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале которого возник спор, а в иной арбитражный суд. Обход общего правила, закрепленного ст. 35 АПК РФ, обычно осуществляется путем привлечения в

¹ В рамках настоящей работы подсудность рассматривается как свойство нуждающегося в разрешении дела, необходимого для отнесения его к компетенции одного из арбитражных судов (подробно позиция автора настоящей работы относительно компетенции судов, подведомственности и подсудности дел изложена в работе: *Рожкова М.А.* К вопросу о содержании понятий «компетентный суд» и «подведомственность дела» // *Журнал российского права.* 2006. № 1. С. 19–29).

качестве соответчика стороннего лица, которое не является лицом, имеющим реальный интерес в разрешении спора и находится (проживает) в другом субъекте Российской Федерации. И цель такого привлечения – приобретение возможности обратиться в арбитражный суд иного субъекта Российской Федерации – достигается, поскольку ч. 2 ст. 36 АПК РФ наделяет ответчика правом обратиться в арбитражный суд по его выбору в том случае, если иск предъявлен к ответчикам, находящимся (проживающим) на территориях различных субъектов Российской Федерации.

Результатом такого (злонамеренного) изменения подсудности дел обычно является то, что само юридическое лицо, в связи с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале которого возник спор, узнает о наличии судебного дела только по результатам его разрешения. Лишение юридического лица возможности участия в подобных судебных процессах, т.е. лишение его возможности защиты собственных прав и интересов, в конечном счете создает благоприятную почву для так называемых корпоративных захватов.

Такая ситуация, безусловно, нуждается в изменении. Вследствие чего можно поддержать введение законопроектом ряда норм, направленных на создание механизмов, ограничивающих недобросовестное использование положений, содержащихся в АПК РФ, и, в частности, недопущение изменения подсудности по делам рассматриваемой категории.

1. Вопросы подсудности решаются в законопроекте путем внесения дополнения в ст. 38 АПК РФ, устанавливающую исключительную подсудность некоторых категорий дел в изъятие общих правил подсудности дел и не допускающую выбор истца при ее определении (ст. 36 АПК РФ) или ее изменение соглашением сторон (ст. 37 АПК РФ). Законопроект предполагает включение в эту статью ч. 4¹, имеющую следующее содержание:

«4. Иски и заявления по корпоративным спорам предъявляются (подаются) в арбитражный суд по месту нахождения юридического лица, в связи с деятельностью, управлением или участием в котором возник корпоративный спор. При этом иски и заявления по корпоративным спорам, вытекающие из деятельности одновременно основного хозяйственного общества (товарищества) и дочернего хозяйственного общества, преобладающего и зависимого хозяйственного общества либо из деятельности юридического

лица и его филиала, представительства, расположенных вне места нахождения юридического лица, предъявляются (подаются) в арбитражный суд по месту нахождения основного хозяйственного общества (товарищества), преобладающего хозяйственного общества либо соответствующего юридического лица.

Иски и заявления по корпоративным спорам, вытекающим из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг и депозитариев, связанной с учетом прав на акции и иные эмиссионные ценные бумаги, а также осуществлением иных прав и обязанностей, предусмотренных федеральным законом, в связи с размещением и (или) обращением ценных бумаг, предъявляются (подаются) в арбитражный суд по месту нахождения эмитента ценных бумаг.

Иски и заявления, для которых настоящей статьёй предусмотрены специальные правила об исключительной подсудности, предъявляются (подаются) в арбитражный суд по месту, определяемому в соответствии с настоящей частью.».

Внимательное изучение данных новелл позволяет безоговорочно поддержать мнение, высказанное в заключении ВАС РФ о необходимости исключения второго предложения из абз. 1 и 3 указанной части¹. С учетом сказанного ранее необходимо также исключение из нее и указания на корпоративные споры (с заменой на указание *соответствующих подпунктов* п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ).

В результате таких операций предлагаемые новеллы будут избавлены от утяжеляющей их словесной «шелухи», а нормы ч. 4¹ ст. 38 АПК РФ будут четко и однозначно определять подсудность споров рассматриваемой категории, приобретая следующий вид:

«4¹. Иски (заявления) по спорам, названным в подпунктах «а», «б», «в», «д» пункта 2 части 1 статьи 33, предъявляются (подаются) в арбитражный суд по месту нахождения юридического лица, в связи с деятельностью, управлением, членством или участием в капитале которого возник спор. Иски (заявления) по спорам, названным в подпункте «г» пункта 2 части 1 статьи 33, предъявляются (подаются) в арбитражный суд по месту нахождения эмитента ценных бумаг.».

Вместе с тем затруднительно добиться окончательной ясности в вопросе подсудности дел, связанных с предпринимательской или иной экономической деятельностью организации, и прежде всего дел о признании недействительными сделок этой организации и (или) применении последствий недействительности соответствующих сде-

¹ Заключение ВАС РФ от 13 марта 2007 г. С. 6.

лок. Предпринимательские отношения требуют наличия двух сторон, а оспаривание сделок иными лицами (кроме самих сторон сделок) предполагает привлечение двух ответчиков. В условиях, когда с требованием о недействительности сделки обращается лицо, в оспариваемой сделке не участвующее, подсудность дела из исключительной становится альтернативной (т.е. по выбору истца), поскольку ответчиков все же двое.

Но есть еще одна проблема, важность которой заставляет остановиться на ней особо. Соглашаясь с предлагаемой законопроектом нацеленностью на «концентрацию» всех дел, связанных с юридическим лицом (в связи с деятельностью, управлением, членством или участием в капитале которого возникает спор), в одном арбитражном суде, нельзя не отметить, что эта цель может достаточно легко трансформироваться в цель «распределения арбитражных судов». Действительно, для юридического лица весьма покойно быть уверенным, что все дела по спорам, связанным с его деятельностью, управлением, членством или участием в капитале, будут рассмотрены в одном арбитражном суде при его надлежащем уведомлении. Но не перерастет ли эта покойная уверенность в стремление создать собственный «карманный суд»?

2. Вероятно, в условиях анализируемого изменения подсудности нельзя оставить без внимания и высказываемые доводы о сложностях, которые ожидают граждан в случае возникновения подобных споров. В частности, ВС РФ указывает, что «в отличие от судов общей юрисдикции, максимально приближенных к месту жительства большинства населения, арбитражные суды расположены, как правило, на значительном расстоянии от него (вероятно, от населения. — *М.Р.*), поскольку низовым звеном в этой системе, согласно статье 25 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» являются арбитражные суды субъектов Российской Федерации, находящиеся в крупных областных центрах и городах федерального значения»¹.

Почему-то за рамками рассуждений оставлено то обстоятельство, что «территория» рассмотрения спора определяется не только и не столько правилами подведомственности, сколько правилами территориальной подсудности. Именно последними определяется террито-

¹ Заключение ВС РФ от 26 февраля 2007 г. С. 3.

риальная удаленность суда от граждан — акционеров (и, соответственно, вопрос «удобства» того или иного суда для граждан).

Как уже было сказано, общим правилом определения подсудности дела (причем как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах) является место нахождения или место проживания ответчика. То есть по общему правилу если гражданин, проживающий, например, в Хабаровском крае, предъявляет иск к юридическому лицу, находящемуся в Москве, то такой спор — вне зависимости от того, суд общей юрисдикции или арбитражный суд будет его рассматривать — должен предъявляться в суд в Москве (по месту нахождения ответчика). Таким образом, в соответствии с правилами территориальной подсудности компетентный суд может оказаться очень далеко (территориально на значительном расстоянии от гражданина) вне зависимости от того, какой суд будет рассматривать его дело — общий или арбитражный.

Следовательно, отнесение споров, связанных с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций, к компетенции арбитражного суда (подведомственность этих дел арбитражному суду) не ограничивает доступ граждан к суду. При этом в полной мере реализуется право граждан на *компетентный* суд, поскольку именно арбитражный суд является компетентным судом, специализирующимся на разрешении экономических споров (как сегодня принято говорить, «судом экономического правосудия»). Думается, что именно последнее обстоятельство позволяет настаивать на отнесении подобных споров, имеющих явную «экономическую» окраску, к компетенции арбитражных судов.

В то же время нельзя не признать резонность опасений, высказываемых в литературе, в отношении установления подсудности дел рассматриваемой категории по месту нахождения юридического лица, в связи с деятельностью, управлением, членством или участием в капитале которого возник спор. Например, Г. Чернышев считает неправильной концентрацию таких дел в одном суде и пишет по этому поводу следующее: «Это повлечет за собой нарушение прав мелких акционеров, которые вынуждены будут во всех случаях обращаться в суд по месту нахождения акционерного общества. А это может быть для них затруднительным прежде всего по финансовым соображениям.

Ведь крупные акционеры могут, например, установить, что местом нахождения акционерного общества является Владивосток. Тогда акционеру, проживающему в Москве и оспаривающему договор купли-продажи акций, заключенный двумя другими акционерами, проживающими в Москве, придется ехать во Владивосток... Вместе с тем существует большое количество законодательных лазеек, хорошо известных практикующим адвокатам, используя которые можно перенести рассмотрение спора в удобное место¹.

3. Далее необходимо коснуться положений об объединении дел — положений, которые на первый, неискушенный взгляд, вероятно, покажутся неотносящимися к рассматриваемой в данной части работы тематике. Однако такое впечатление было бы ошибочным, поскольку перед этими нормами, как и нормами об исключительной подсудности, поставлена цель исключить «распыление» дел рассматриваемой категории по арбитражным судам различных субъектов Российской Федерации, сделав невозможным их рассмотрение в разных арбитражных судах².

Законопроект предусматривает внесение изменений в ст. 130 АПК РФ «Соединение и разъединение нескольких требований». Ознакомление с предлагаемыми изменениями создало соблазн цитирования их тяжеловесно-многословных и нечетких положений в сопровождении соответствующих комментариев. Однако в силу малой продуктивности такого подхода уместнее здесь будет анализ основных составляющих предлагаемых изменений.

Во-первых, из ч. 1 ст. 130 АПК РФ, устанавливающей правило о том, что истец вправе соединить в одном заявлении несколько требований, связанных между собой по основаниям возникновения или представленным доказательствам, законопроектом исключены слова «связанных между собой по основаниям возникновения или представленным доказательствам».

¹ Чернышев Г. Корпоративные конфликты. Что делать? // эж-Юрист. 2004. № 43 (СПС «КонсультантПлюс»).

² В Пояснительной записке это объясняется также необходимостью исключить возможность «инициирования множества судебных разбирательств, направленных на смену корпоративного контроля, одновременно в нескольких процессах в рамках одного суда, что, в свою очередь, допускает возможность принятия противоречащих судебных актов в отношении отдельного юридического лица одним и тем же судом» (Пояснительная записка МЭРиТ. С. 41).

Такое предложение основано на стремлении разработчиков законопроекта ввести в АПК РФ правило об обязательном соединении в одно производство тесно связанных между собой требований, что, по их мнению, «решит проблему инициирования множества судебных разбирательств, направленных на смену корпоративного контроля»¹, а также исключит возможность принятия взаимоисключающих судебных решений. Однако не было учтено следующее.

Часть 1 ст. 130 АПК РФ закрепляет право истца соединить в одном заявлении несколько требований, адресованных одному и тому же ответчику. Такое соединение исков принято называть *объективным соединением исков*².

Объективное соединение исков Е.В. Васьковский определял как «соединение в одном производстве нескольких исков одного и того же истца против того же самого ответчика»³. Такое соединение исков, подчеркивал он, допустимо при наличии двух формальных условий: (1) если все предъявляемые требования подведомственны и подсудны одному и тому же суду; (2) если они подлежат рассмотрению в одном и том же порядке производства. При этом, учитывая, что совместное рассмотрение нескольких исков не всегда удобно и целесообразно, Е.В. Васьковский подчеркивал, что соединение исков в одно производство будет полезным при соблюдении одного условия: если оно не затруднит задачи суда, а, наоборот, облегчит ее. К причинам объединения исков ученый относил прежде всего *тождество основания исков* («когда несколько исков выводятся из одного и того же основания: тогда и для тяжущихся, и для суда гораздо удобнее и легче рассмотреть их совместно»⁴), однако не видел препятствий для совместного рассмотрения исков и в других случаях при наличии пользы для правильного отправления правосудия.

Действующее арбитражное процессуальное законодательство ограничило возможность соединения исков двумя случаями: тождест-

¹ Пояснительная записка МЭРиТ. С. 41.

² Объективное соединение исков принципиально отличается от субъективного соединения исков (субъективного соединения однородных дел), в котором присутствует несколько требований, предъявляемых несколькими (или адресованных нескольким) субъектами процесса, т.е. **соучастие**, о котором упоминалось ранее.

³ *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса / Под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 316.

⁴ Там же.

вом оснований исков и общей доказательственной базой (ч. 1 ст. 130 АПК РФ). Решение вопроса о возможности как соединения, так и разъединения нескольких требований по смыслу ст. 130 АПК РФ оставлено на усмотрение арбитражного суда. При этом ст. 130 АПК РФ не содержит прямого указания на допустимость соединения требований, адресованных только одному и тому же ответчику (или ответчикам)¹; не упоминает о необходимости соблюдения формальных условий (подведомственности и подсудности этих требований одному суду; допустимости рассмотрения этих требований в одном порядке производства); не указывает цели соединения требований.

Безусловно, такое законодательное урегулирование института объективного соединения исков явно несовершенно, что является серьезным препятствием на пути реализации его положений на практике. Однако содержащееся в законопроекте предложение об исключении из ч. 1 ст. 130 АПК РФ слов «связанных между собой по основаниям возникновения или представленным доказательствам» влечет допущение соединения исков вне зависимости от каких-либо формальных условий, позволяя тем самым истцам требовать объединения в одно производство исков, вовсе и не связанных между собой.

Предлагаемое законопроектом решение вопроса соединения исков не получило надлежащего обоснования, оно противоречит сформировавшимся в доктрине отечественного процессуального права взглядам на институт объективного соединения исков и навряд ли получит положительную оценку на практике².

Во-вторых, с теоретической точки зрения небезынтересен и следующий новаторский шаг, закрепленный в законопроекте в виде дополнения ч. 2 ст. 130 АПК РФ абзацем следующего содержания:

«Арбитражный суд первой инстанции, установив, что в производстве данного арбитражного суда или другого арбитражного суда первой инстанции имеются несколько дел по искам одного истца к различным ответчикам или различных истцов к одному ответчику либо несколько дел, в которых истец или ответчик выступает ответчиком или истцом в другом деле,

¹ Согласно ч. 2 ст. 130 АПК РФ арбитражный суд первой инстанции вправе объединить несколько однородных дел, в которых участвуют одни и те же лица, в одно производство для совместного рассмотрения.

² Вероятно, этими же соображениями руководствовался ВАС РФ, указывая на необходимость оставить ч. 1 ст. 130 в действующей редакции (Заключение ВАС РФ от 13 марта 2007 г. С. 8).

объединяет по собственной инициативе или по ходатайству лица, участвующего в деле, несколько дел в одно производство для совместного рассмотрения, если такие дела связаны между собой по основаниям возникновения соответствующих требований, а также в иных случаях, когда имеется возможность принятия исключаящих друг друга решений.»

Из текста данного абзаца следует, что не только допустимым, но обязательным является соединение в одно производство дел *с участием разных лиц* (как на стороне истца либо ответчика, так и на обеих сторонах), если эти дела связаны по основаниям возникновения соответствующих требований или в иных случаях, которые четко в законопроекте не обозначены. И, что наиболее важно, данное правило, как и предыдущее, устанавливается в качестве *общего* (!) для всех категорий дел.

Положение об *обязательном соединении* в одно производство требований фактически по любому ходатайству лица, участвующего в деле¹, позиционируется разработчиками законопроекта как решающее большинство проблем и исключаящее возможность принятия противоречащих судебных актов в отношении отдельного юридического лица одним и тем же судом. В Пояснительной записке МЭРиТ эта ситуация описывается как «введение в процессуальное законодательство правил об обязательном соединении в одно производство тесно связанных между собой требований, вытекающих из корпоративных отношений, а также ряда иных механизмов, направленных на стечение дел, вытекающих из одного корпоративного спора, к юрисдикции арбитражного суда по месту нахождения юридического лица»².

Оставляя без комментариев чудовищную формулировку («стечение дел, вытекающих из одного корпоративного спора, к юрисдикции арбитражного суда»), хотелось бы подчеркнуть, что введение подобных норм серьезно затруднит вообще принятие решения по делу.

Предположим следующее развитие событий: разные лица обращаются к разным лицам с разнородными исковыми требованиями. Далее кто-то из участвующих в деле лиц ходатайствует об объединении этих требований (в одних случаях, объединенных тождеством

¹ Таким образом, законопроектом такое право предоставляется не только сторонам, но и иным лицам, участвующим в деле, к которым в силу ст. 40 АПК РФ относятся и третьи лица (как заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, так и не заявляющие таковых).

² Пояснительная записка МЭРиТ. С. 41.

оснований, в других, как допускается законопроектом, и в отсутствие такого тождества) в одно производство, утверждая, что совместное их рассмотрение будет препятствовать принятию взаимоисключающих решений. Часть 2 ст. 130 АПК РФ по сути *обязывает суд по ходатайству любого лица, участвующего в этих делах (!), объединить такие требования в одно производство* в случае указания этим лицом на возможность принятия взаимоисключающих решений — такое положение создается в силу отсутствия в законе формальных условий такого объединения (вряд ли можно считать достаточно определенными формальными условиями ссылки на связанность требований основаниями возникновения или иные случаи существования реальной возможности принятия взаимоисключающих решений). Согласно положению ч. 6 ст. 130 АПК РФ, предлагаемой законопроектом, после объединения дел в одно производство (или выделения требований в отдельное производство) рассмотрение дела производится с самого начала, что позволяет существенно затягивать судебный процесс: «накопление» требований в одном производстве будет отодвигать собственно разбирательство дела на неопределенный срок. Но даже и скорое соединение в единое производство таких дел, возникших из разных правоотношений, с различными сторонами, возбужденных по разнородным требованиям и объединенных на основании весьма аморфно сформулированного принципа, вряд ли позволит говорить об оперативности судебного разбирательства в этих условиях.

Закрепление «широкой возможности *соединения разнородных требований*, возникших из корпоративного спора, в одно производство (курсив мой. — М.Р.)»¹, на которое так уповают разработчики, в том виде, в котором она предусмотрена в законопроекте, приведет не к расширению возможностей судебной защиты заинтересованных лиц, а к хаосу. То есть, как и в предыдущем случае, продуманность предлагаемого ч. 2 ст. 130 АПК РФ нововведения весьма сомнительна, механизмы его реализации не предложены, а последствия претворения в жизнь данного предложения вовсе не определены, и цель явно не совпадает с целью всякого соединения исков — облегчения задачи суда. Думается, для целей исключения (или снижения) вероятности принятия взаимоисключающих решений особое внимание следовало бы уделить нормам АПК РФ *о преюдиции и обязательности судеб-*

¹ Пояснительная записка МЭРиТ. С. 44.

ных актов, совершенствование которых позволили бы решить поставленную задачу гораздо успешнее.

В-третьих, необходимо подробнее остановиться на дополнении ч. 2 ст. 39 АПК РФ, устанавливающей основания передачи дела из одного арбитражного суда в другой¹, ч. 6 и 7 следующего содержания:

«6) при рассмотрении дела в суде выяснилось, что имеются основания для объединения нескольких дел в одно производство либо выделения одного или нескольких соединенных требований в отдельное производство;

7) при рассмотрении дела, вытекающего из деятельности держателя реестра владельцев ценных бумаг или депозитария, в суде выяснилось, что такой спор отвечает признакам корпоративного спора, предусмотренным статьей 33, или права на акции и иные ценные бумаги, ранее учитываемые соответственно держателем реестра владельцев ценных бумаг или депозитарием, учитываются в реестре владельцев ценных бумаг.».

Судя по всему, разработчиками законопроекта предполагалось, что подобные положения окончательно исключат возможность инициирования и рассмотрения дел не по месту нахождения юридического лица, в связи с деятельностью, управлением, членством или участием в капитале которого возник спор. Однако эффект данных предложений оказывается совершенно иным. Но прежде чем характеризовать данные положения, следует процитировать еще одно положение, предлагаемое законопроектом и содержащееся в абз. 2 ч. 7 ст. 130 АПК РФ:

«При объединении в одно производство дел, находящихся в производстве нескольких арбитражных судов первой инстанции, их совместное рассмотрение осуществляется тем арбитражным судом, который первым принял к соблюдению требований о подсудности, установленных настоящим Кодексом, заявление к своему производству.».

Опираясь на регулирование, предлагаемое процитированными нормами и нормой ч. 2 ст. 130 АПК РФ (в редакции законопроекта), можно сконструировать следующую ситуацию.

¹ Часть 1 ст. 39 АПК РФ предусматривает общее правило, согласно которому дело, принятое арбитражным судом к своему производству с соблюдением правил подсудности, должно быть рассмотрено им по существу, хотя бы в дальнейшем оно стало подсудным другому арбитражному суду (т.е. именно на момент предъявления в арбитражный суд требование должно быть подсудным этому суду, что исключает возможность его передачи в другой арбитражный суд в случае последующего изменения подсудности). Часть 2 этой статьи предусматривает определенные исключения из этого общего правила, т.е. определяет случаи, когда допустима передача дела в другой арбитражный суд (притом что на момент предъявления требования правила подсудности были соблюдены).

Арбитражный суд (с соблюдением правил подсудности) принимает к своему производству исковое требование **А**, предъявленное к **С**, о признании сделки недействительной. Позже в арбитражный суд другого субъекта Российской Федерации с соблюдением правил подсудности **А** предъявляет требование к **В** о признании недействительной другой сделки. **В** то же время в третий арбитражный суд **Д**, как участник **А**, предъявляет требование к органу управления **А** о возмещении последним убытков, причиненных **А** вследствие совершения этих сделок (**А** выступает в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора).

Воспользовавшись устанавливаемыми законопроектом правилами, **А** ходатайствует об объединении данных требований в одно производство для исключения принятия взаимоисключающих решений. Арбитражные суды в силу ч. 2 ст. 130 АПК РФ обязаны соединить эти требования в одно производство, для чего в соответствии с правилом ч. 7 ст. 39 они должны будут передать дела для объединения в один суд. И таким судом будет не арбитражный суд по месту нахождения юридического лица, в связи с деятельностью, управлением, членством или участием в капитале которого возник спор, а всегда — *арбитражный суд, принявший первое исковое требование* к своему производству. И вследствие этого правила об исключительной подсудности (ч. 4¹ ст. 38 АПК РФ) будут вступать в коллизию с положением абз. 2 ч. 7 ст. 130 АПК РФ.

Таким образом, введение в законодательство взаимоисключающих положений не только не исключит возможность злонамеренного использования процессуальных норм, а напротив — создаст условия для манипулирования этими нормами. Вследствие сказанного следует отказаться от введения ч. 6 и 7 в ст. 39 АПК РФ, а также изменений ст. 130 АПК РФ.

Думается, оптимальным было бы не радикальное изменение существующих общих правил АПК РФ, а более тщательная разработка положений, регулирующих порядок рассмотрения именно анализируемой категории дел. Иступленное желание разработчиков законопроекта реформировать все арбитражное процессуальное законодательство, ввести новые конструкции, о последствиях введения которых никто не дал себе труда задуматься, в целом демонстрирует только стремление к изменениям законодательства ради изменений.

V

В завершающей части настоящей работы хотелось бы некоторое внимание уделить правилам, призванным определять процедуру рассмотрения дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций. Это положения гл. 28¹, носящей название «Рассмотрение корпоративных споров», и положения об обеспечении иска.

Цитирование содержащихся в законопроекте упомянутых положений представляется излишним по причине их объемности и многословия, к тому же нередко они только воспроизводят общие правила АПК РФ в значительно усложненной форме.

Таковы, например, положения ст. 225¹, которая названа «Рассмотрение арбитражным судом корпоративных споров»¹. В частности, ее ч. 1 предусматривает возможность рассмотрения споров указанной категории арбитражным судом, с соблюдением правил, установленных АПК РФ, нормами федеральных законов, регулирующих деятельность юридических лиц. И это при том, что в силу ч. 2 ст. 3 АПК РФ в числе источников, регулирующих судопроизводство в арбитражных судах, указан не только АПК РФ, но и иные федеральные законы. Далее, ч. 2 той же ст. 225¹ предусматривает недопустимость принятия отказа от иска, признания иска или утверждения мирового соглашения, если это нарушает права или законные интересы юридического лица, в связи с деятельностью, управлением или участием в котором возник корпоративный спор, либо его участников (учредителей, акционеров, членов). Такое положение, бесспорно, совпадает с правилом ч. 5 ст. 49 АПК РФ, ус-

¹ То есть название ст. 225¹ фактически совпадает с названием самой гл. 28¹ АПК РФ. Отметим такое совпадение, ВАС РФ счел правильным поддержать изменение названия гл. 28¹, предложив именовать ее «Особенности корпоративных споров» (Заключение ВАС РФ от 13 марта 2007 г. С. 9). Однако с учетом сказанного ранее данная глава, думается, должна носить название «Рассмотрение дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций». Статья 225¹ (при условии изменения ее содержания) могла бы быть названа «Порядок рассмотрения дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций».

танавливающим запрет на такие действия, если это противоречит закону и нарушает права других лиц. И последнее: ч. 3 ст. 225¹ по сути воспроизводит общее правило, содержащееся в ст. 46, 50 АПК РФ о допустимости участия в деле нескольких истцов или ответчиков, а также третьих лиц¹.

Но и в тех случаях, когда законопроект предусматривает новые положения, свойственная всему законопроекту велеречивость затрудняет уяснение смысла его норм. Например, законопроект предусматривает дополнение ст. 91 АПК РФ, устанавливающей перечень обеспечительных мер, ч. 3 следующего содержания:

«3. Обеспечительные меры по корпоративным спорам могут быть приняты только арбитражным судом по месту нахождения юридического лица, в связи с деятельностью, управлением или участием в котором возник корпоративный спор. При этом обеспечительные меры по корпоративным спорам, вытекающим из деятельности одновременно основного хозяйственного общества (товарищества) и дочернего хозяйственного общества, преобладающего и зависимого хозяйственного общества либо из деятельности юридического лица и его филиала, представительства, расположенных вне места нахождения юридического лица, могут быть приняты только арбитражным судом по месту нахождения основного хозяйственного общества (товарищества), преобладающего хозяйственного общества либо соответствующего юридического лица.

Обеспечительные меры по корпоративным спорам, вытекающим из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг или депозитариев, могут быть приняты только арбитражным судом по месту нахождения эмитента ценных бумаг.».

Оставляя за рамками рассмотрения то обстоятельство, что подобная норма должна быть включена скорее в ст. 90 АПК РФ, предусматривающую основания обеспечительных мер и решающую вопросы подсудности, можно говорить о том, что содержание указанной нормы могло быть более кратким и четким и иметь, например, следующий вид:

«Обеспечительные меры по спорам, названным в подпунктах «а», «б», «в», «д» пункта 2 части 1 статьи 33, могут быть приняты арбитражным судом по месту нахождения юридического лица, в связи с деятельностью, управлением, членством или участием в капитале которого возник спор. Обеспечительные меры по спорам, названным в подпункте «г» пункта 2

¹ О «новом» истце как вводимой в арбитражный процесс новой процессуальной фигуре говорилось в части II настоящей работы.

части 1 статьи 33 могут быть приняты арбитражным судом по месту нахождения эмитента ценных бумаг.».

Вследствие сказанного далее преимущественно будет кратко излагаться существо предлагаемых законопроектом новелл, сопровождаемое соответствующими замечаниями.

1. Как и ранее, законопроект идет дальше задач, поставленных Концепцией развития корпоративного законодательства на период до 2008 года: в нем не только определяется подсудность заявлений о принятии обеспечительных мер (как это определено в Концепции), но и предлагаются иные положения, касающиеся принятия арбитражным судом обеспечительных мер. Во всех ли случаях такое регулирование принесет положительные результаты?

Одним из наиболее сложных вопросов на практике при разрешении дел рассматриваемой категории является вопрос о том, какие именно обеспечительные меры «можно и должно» принимать арбитражному суду в случае предъявления данных исков. Как отмечает, в частности, Н.Б. Шербаков, в рамках подобных дел нередко заявляются ходатайства о применении таких обеспечительных мер, как:

- запрет голосования акциями (долями), наложение ареста на акции (доли);
- запрет общему собранию акционеров, совету директоров принимать определенные решения;
- запрет вновь избранному генеральному директору выполнять свои функции, представлять интересы общества, в том числе и в суде, заключать сделки;
- запрет регистрации выпуска ценных бумаг, принятия документов на регистрацию и т.д.¹

Однако ответы на вопросы о том, в какой мере допустимо принятие тех или иных обеспечительных мер, какие последствия они будут иметь для самого юридического лица, его участников и иных лиц, найти в литературе достаточно затруднительно, а в действующем законодательстве невозможно.

В этих условиях безусловным плюсом законопроекта можно назвать то, что в ч. 4 ст. 225³, именуемой «Обеспечительные меры ар-

¹ Шербаков Н.Б. Практика принятия обеспечительных мер по искам, связанным с применением Федерального закона «Об акционерных обществах» // <http://www.duma.gov.ru/sobstven/analysis/corporation/220905/tema5.htm>.

битражного суда по корпоративным спорам», закреплен перечень возможных обеспечительных мер, к которым отнесены:

1) наложение ареста на акции, доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паи членов кооперативов;

2) запрещение органам управления и иным органам юридического лица принимать решения по вопросам, относящимся к их компетенции либо касающимся совершения иных действий;

3) запрещение юридическому лицу, его органам или участникам (учредителям, акционерам, членам), а также иным лицам исполнять принятые органами управления и иными органами юридического лица решения;

4) запрещение участнику (учредителю, акционеру, члену) юридического лица осуществлять право голоса и иные права на общем собрании участников (учредителей, акционеров, членов) либо осуществлять указанные права иным образом;

5) запрещение держателю реестра владельцев ценных бумаг и (или) депозитарию осуществлять записи по учету или переходу прав на акции и иные ценные бумаги, а также совершать иные действия в связи с размещением и (или) обращением ценных бумаг.

Положительно может быть оценено и правило, согласно которому арбитражный суд при принятии обеспечительных мер по данным делам должен исходить из того, что их принятие не должно приводить юридическое лицо к фактической невозможности (или существенному затруднению) осуществления его деятельности (ч. 1 ст. 225³).

В то же время иные нормы, определяющие порядок обеспечения исков по делам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций, не могут расцениваться столь положительно.

Неясным кажется содержащееся в ч. 6 ст. 225³ положение о распространении правил этой статьи на обеспечительные меры, введение которых может привести к последствиям, указанным в ч. 4 настоящей статьи либо предусматривающим возложение на лицо, участвующее в деле, обязанности совершить определенные действия (воздержаться от действия), в результате которых могут наступить указанные последствия. Эта неясность проистекает прежде всего из того, что ч. 4 ст. 225³ закрепляет разновидности обеспечительных мер, но не их последствия.

Абсолютно иррациональным представляется указание в ч. 2 ст. 225³ на то, что обеспечительные меры по данным делам могут быть приняты арбитражным судом по месту нахождения юридического лица, в связи с деятельностью, управлением, членством или участием в капитале которого возник спор. Такое положение прямо дублирует правило проанализированной выше ч. 3, которой законопроект предлагает дополнить ст. 91 АПК РФ, вследствие чего представляется явно излишним.

Помимо сказанного нет никакой нужды и во введении в АПК РФ ч. 3 ст. 225³, поскольку ее положения, предусматривающие надлежащее извещение лиц, участвующих в деле, и участие их в судебном заседании по вопросу принятия обеспечительных мер, вступают в противоречие с положениями ст. 93 АПК РФ. Часть 1 ст. 93 АПК РФ предусматривает единоличное (без извещения сторон) рассмотрение судьей поступившего заявления об обеспечении иска не позднее следующего дня после поступления этого заявления, поскольку обеспечительная мера (если для ее введения имеются соответствующие основания) является срочной и требующей немедленного решения о ее принятии. Данное правило является общим в отношении всех без исключения обеспечительных мер и отсутствуют основания для отказа от него в отношении мер, заявляемых в связи со спорами, связанными с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций¹ (в Пояснительной записке МЭРиТ также не представлено надлежащих тому обоснований²).

Далее хотелось бы несколько слов сказать в отношении возмещения убытков, причиненных обеспечительными мерами.

Обеспечительные меры достаточно часто используются в качестве рычага воздействия на другую сторону спора, поэтому не вызывает

¹ Представляется совершенно обоснованным замечание А.А. Маковской, подчеркивающей, что правила АПК РФ о принятии арбитражными судами обеспечительных и предварительных обеспечительных мер носят универсальный характер (*Маковская А.А.* Комментарий к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 июля 2003 г. № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров» // *Практика рассмотрения коммерческих споров.* Вып. 1 / Рук. проекта Л.А. Новоселова, М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 7).

² Пояснительная записка МЭРиТ. С. 42.

удивление тот факт, что суды крайне осторожно относятся к применению этого процессуального института. Но, вероятно, наибольшее распространение получило неблагоприятное использование института обеспечительных мер именно в делах рассматриваемой категории, поскольку с их помощью создаются препятствия деятельности общества, приводящие нередко к невозможности его нормального функционирования¹.

В силу ст. 98 АПК РФ (в действующей редакции) ответчик и другие лица, которым причинены убытки обеспечением иска, после вступления в законную силу судебного акта арбитражного суда об отказе в удовлетворении иска вправе требовать от лица, ходатайствующего об обеспечении иска, возмещения убытков путем предъявления иска.

Законопроект предусматривает серьезное изменение действующей нормы, вводя правило о том, что названные выше лица, которым причинены убытки или права и законные интересы которых были нарушены обеспечением после вступления в законную силу судебного акта об отказе в удовлетворении иска или прекращения производства по делу, «вправе требовать возмещения убытков или компенсации в размере от 1000 до 500 000 рублей, а по корпоративному спору в размере от 10 000 до 500 000 рублей вместо возмещения убытков».

Данное предложение влечет за собой множество вопросов. И, в частности, Н.В. Федоренко и Е.Н. Честных пишут следующее: «Ком-

¹ См., например, постановление Пленума ВС РФ от 10 октября 2001 г. № 12 «О вопросе, возникшем при применении Федерального закона «Об акционерных обществах»; письмо ВАС РФ от 14 ноября 2002 г. № С1-7/ОУ-1 «О фактах грубого нарушения закона при применении арбитражными судами обеспечительных мер»; постановление Пленума ВАС РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»; постановление Президиума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 27 «О рассмотрении судами Российской Федерации дел с участием акционерных обществ»; постановление Пленума ВАС РФ от 9 июля 2003 г. № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров»; информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24 июля 2003 г. № 72 «Обзор практики принятия арбитражными судами мер по обеспечению исков по спорам, связанным с обращением ценных бумаг»; информационное письмо Президиума ВАС РФ от 7 июля 2004 г. № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер»; постановление Пленума ВАС РФ от 12 июля 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер».

пенсация различается от случая к случаю, от общества к обществу. Будет ли установленная в законе сумма соответствовать реальным размерам ущерба? Ведь, если лицо выбирает компенсационные выплаты, бремя доказывания размера убытков на него не возлагается. Таким образом, на наш взгляд, это дает возможность получения неоправданных сумм, является основанием для порождения недобросовестности ответчиков, злоупотребления ими процессуальными правами, а также создания различных схем мошенничества. И еще один вопрос возникает в связи с данным нововведением: а готов ли российский предприниматель заплатить эти компенсационные суммы? Не будет ли это причиной их разорения и банкротства? Считаем, что в России еще рано говорить о замене возмещения реально понесенных убытков компенсацией в твердо установленной сумме»¹.

Думается, можно говорить об очевидной нецелесообразности включения подобных норм в арбитражное процессуальное законодательство, поскольку указанные нормы, призванные регулировать материально-правовые отношения, являются нормами материального права².

Проведенный анализ позволяет утверждать, что часть законопроекта, посвященная обеспечительным мерам, не только не лишена недостатков, но нуждается в серьезных доработках и исправлениях.

2. Здесь же уместны некоторые замечания в отношении гл. 28¹, отдельным статьям которой ранее уже уделялось внимание (см., например, ч. I настоящей работы).

Как и весь проект в целом, включенные в гл. 28¹ статьи страдают явной «тяжеловесностью» и многословностью формулировок, затрудняющих восприятие содержащихся в них норм, и не отражают всю специфику рассмотрения дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций. Нередки

¹ См.: Федоренко Н.В., Честных Е.Н. Корпоративная реформа: процессуальный аспект // *эж-Юрист*. 2007. № 27 (СПС «КонсультантПлюс»).

² Кроме того, представляется, что гораздо больший эффект можно было бы достигнуть путем реализации предложения, уже высказанного ВАС РФ в письме от 15 марта 2005 г., которое содержало вывод о необходимости разработки эффективно действующего механизма возмещения убытков, причиненных в результате принятия судом обеспечительных мер (письмо ВАС РФ от 15 марта 2003 г. № С8-5/уз-252 «О проекте программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2005–2008 годы) и плана действий Правительства Российской Федерации по ее реализации в 2005 году» (СПС «КонсультантПлюс»)).

случаи повторения общих положений АПК, притом что гл. 28¹ не претендует на полноту регулирования порядка рассмотрения споров, обнаруживая при этом достаточное количество пробелов и коллизий.

Действительно, можно ли говорить о полноте регулирования *порядка рассмотрения* столь сложной категории дел, если упомянутая глава предусматривает лишь правила о том, что:

– подобные споры рассматриваются арбитражным судом; отказ от иска, признание иска и мировое соглашение допустимы, только если они не нарушают права и интересы юридического лица, в связи с деятельностью, управлением или участием в капитале которого возник спор; заинтересованные лица вправе обратиться в арбитражный суд для вступления в процесс (ст. 225¹ «Рассмотрение арбитражным судом корпоративных споров»);

– арбитражный суд обязан извещать юридическое лицо, в связи с деятельностью, управлением или участием в капитале которого возник спор, либо эмитента ценных бумаг о возбуждении производства по делу и движении процесса; лица, участвующие в деле, обязаны сообщать арбитражному суду об изменении места нахождения юридического лица (ст. 225² «Обеспечение доступа к информации о корпоративном споре и права на участие в деле»);

– обеспечительные меры могут быть приняты арбитражным судом по месту нахождения юридического лица, в связи с деятельностью, управлением или участием в капитале которого возник спор; порядок принятия обеспечительных мер и их виды (ст. 225³ «Обеспечительные меры арбитражного суда по корпоративным спорам»);

– определения, выносимые арбитражным судом, могут обжаловаться в течение 14 дней со дня их принятия; обжалование таких определений не является препятствием для совершения процессуальных действий по делу (ст. 225⁴ «Особенности обжалования определений арбитражного суда»);

– органы акционерного общества или его акционеры вправе обратиться в арбитражный суд с требованием обязать акционерное общество созвать общее собрание акционеров; решение по такому делу подлежит немедленному исполнению (ст. 225⁵ «Особенности рассмотрения дел по спорам об обязанности созыва общего собрания акционеров»);

– в арбитражном суде могут рассматриваться коллективные (групповые) иски; порядок рассмотрения таких исков (ст. 225⁶ «Участие в

деле лица, обратившегося в арбитражный суд в защиту прав и законных интересов других лиц»; ее содержание было изложено в ч. 1 настоящей работы).

Думается, что названных норм явно недостаточно для вывода о том, что дела рассматриваемой категории нуждаются в специальном регулировании порядка из рассмотрения в арбитражном суде и такое регулирование предложено законопроектом. Скудность норм гл. 28¹ заставляет усомниться в целесообразности ее введения.

Подводя итоги, следует сказать, что не вызывает сомнений актуальность совершенствования правил подведомственности и подсудности дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций. Процедура разбирательства этих дел также нуждается в более подробном урегулировании, чтобы по крайней мере снизить возможность принятия неправильных решений по делам данной категории – категории сравнительно новой для отечественных судебных органов.

Вместо этого законопроект предлагает ничем не оправданное усложнение общих положений АКП РФ, касающихся порядка рассмотрения всех споров, подведомственных арбитражным судам, при явной недостаточности и непродуманности норм, касающихся порядка рассмотрения именно данной категории споров. Необъяснимое стремление разработчиков законопроекта «переписать» общие положения АПК РФ без учета потребностей и реалий правоприменительной практики и доктринальных положений отечественного процессуального права (а иногда и в прямой конфронтации с ними) демонстрируют концептуальную слабость законопроекта при весьма низком уровне юридической техники, в целом его характеризующем.

Таким образом, цель построения ясной и цельной системы рассмотрения этих дел данным законопроектом не достигнута. Законопроект не решил поставленную перед ним задачу – исключить возможность использования норм арбитражного процессуального законодательства для ведения «корпоративных войн», недружественных поглощений. Даже несмотря на «правки», внесенные в законопроект после получения экспертных замечаний (многие из которых, к сожалению, так и не были учтены), законопроект все так же нуждается даже не в доработке, а в принципиальном качественном изменении.

В представленном виде он, возможно, имеет некоторый теоретический интерес, но для применения на практике не годится вовсе: сложность, запутанность, многословность его текста, бесчисленные коллизии и пробелы, постоянные повторения общих положений АПК РФ, а также расплывчатые формулировки, допускающие различное толкование, позволяют утверждать, что он нисколько не облегчит, а лишь затруднит рассмотрение дел данной категории арбитражными судами.

Думается, что решение поставленной задачи следовало бы искать не в «переписывании» общих положений АПК РФ, а в разработке нового специального закона, посвященного исключительно порядку рассмотрения данной категории споров (по примеру ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». При этом хотелось бы рекомендовать при дальнейших разработках в области совершенствования арбитражного процессуального права привлекать не только специалистов в области корпоративного права, но и специалистов по арбитражному процессуальному праву, поскольку для правильной разработки положений, определяющих правила судебного процесса, знаний материального права явно недостаточно, что в полной мере продемонстрировал предложенный законопроект.